

16+

ПЕТР ИНГВИН

ОЛЬФ

КНИГА ПЕРВАЯ

Заместитель пришельца

Ольф

Петр Ингвин

Ольф. Книга первая

«Автор»

2017

Ингвин П.

Ольф. Книга первая / П. Ингвин — «Автор», 2017 — (Ольф)

Совмещаются ли сверхвозможности с личными проблемами? Как распорядиться подарком небес? Как победить в себе обезьяну? (Автор обложки – Галина Николаиди)

© Ингвин П., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Часть первая. Игрушка	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Петр Ингвин

Ольф. Книга первая

Здесь нет положительных героев. Если кажется, что кто-то из персонажей хороший и поступает правильно – да, правильно, кажется. Здесь просто люди. Ни хорошие, ни плохие. Обычные.

Часть первая. Игрушка

Глава 1

«Дас ист фантастиш», как говорят некоторые любители... короче, любители. «Боже правый!» – восклицают другие, получив аналогичную встряску сознания, – например, когда застанут вышеупомянутых любителей... Ладно, проехали. У меня вырвалось простое:

– Очуметь.

Еще мягко сказано. Во-первых, я только что рухнул с дуба, в прямом смысле. Во-вторых, попал сюда. Хороший вопрос – «Куда?» Не знаю. Все непонятно-зеленое, тесное. И шевелится. И как бы благожелательно приглашает. Ну, чувствую я так.словно мини-квартирка, где можно и присесть, и полежать, и в соседнее помещенье через неровно-овальный проем выйти...

Жаль, темновато.

Мгновенно стало светлее.

Сминая лоб в гармошку, брови поползли вверх, а челюсть, соответственно, вниз. Стадо слонопотамов, в прошлой жизни именовавшихся мурашками, прогалопировали от шеи к пяткам. «Еще чуть светлее» – медленно проговорил я про себя.

И опять сработало. Вокруг засияло, как при полуденном солнце. То, что открылось, уму информации не добавило, ничего похожего на полочки сознания не числилось. Маленькое замкнутое пространство. Пещера не пещера, а, скорее, вид динозаврова желудка изнутри. Чем-то таким же, наверное, любовался библейский Иона.

– Очуметь, – бестолково повторил я. Мозг вспучило разнонаправленными эмоциями – от детского желания забраться под одеяло до восторга взрослого, который заполучил волшебную палочку. Я еще раз проверил догадку: – А теперь – отворись!

«Стены» послушно расступились, глазам открылся вид на знакомый пригорок с тем самым дубом на верхушке. Да, работает, мои команды исполняются. Даже мысленные.

Губы сами растянулись в улыбку. Действительно, волшебная палочка. Хотя и не палочка.

Нужно проверить еще кое-что. Проем мгновенно затянулся за мной, вышедшим наружу, на полянку. Оп! Остатки «живой комнаты» исчезли прямо в воздухе. Растворились. Нет, скорее, ее невидимые створки захлопнулись.

В испуге мои слова опередили мысли:

– А ну откройся опять!

Оно открылось. Не знаю, кто или что это «оно». Просто проем посреди окружающего пространства. На расстоянии вытянутой руки. Я вошел, и нечто, пропустившее меня, сомкнулось за спиной. Ясно. Вернее, ничего не ясно, но что-то проклевывается. Появилось первое определение того, что случилось: я попал в невидимое помещение, а находится оно, как мне кажется, в ином измерении, и на лужайку из него открывается дверь.

– Выпусти!

Неизвестный подпространственный агрегат без проблем выпустил меня на лоно природы. Как дверца лифта. Мои команды – это нажатие кнопок. Класс. Я повернулся назад и потрогал рукой то, что секунду назад было порталом в мир иной, а теперь вновь стало прозрачной атмосферой. За невидимым чудом, о существовании которого знал только я, далеко на заднем плане колыхались камыши, а моя ладонь уперлась... Во что-то она уперлась. Оно то ли жесткое, то ли вязкое. То ли горячее, то ли бесконечно ледяное. Необъяснимое. Хорошо бы, это необъяснимое не восприняло «очуметь» тоже как прямое распоряжение. А вдруг восприняло? Тогда происходящее мне кажется.

Глупости. Допустим, что кажется, а кто же, в таком случае, выполнил команду? И «очуметь» – понятие фигуральное, любой компьютер обязан пропустить мимо ушей, если умеет распознавать эмоции, или должен поинтересоваться, что конкретно имелось в виду. Болезнь с названием чума? Приказ выглядел бы так: «Зарази меня чумой». Кстати, хорошее ругательство, если нужно смачно выплеснуться в приличном обществе, а слов не хватает. В моем случае «очуметь» было синонимом «офигеть», «опупеть» и прочих вербальных признаков крайнего изумления. Надеюсь, потустороннее нечто поняло меня правильно.

– Кто здесь? – послышалось с пригорка, откуда я так счастливо сверзился.

Тьфу, даже позабыл.

Мысленный приказ «Откройся!» сработал безупречно, и щель в параллельную реальность, как в присказке, тут же «родила меня обратно». Кстати, чем-то похоже. Из большого мира – в тесноту чего-то живого и странного. Нет, не в отдельную реальность, это я погорячился. Скорее, в нечто вроде туалета при квартире. Этакая невидимая дверца для игры в пространственные прятки – прямо в воздухе.

Здесь, в моем мире, плюсом ко вселенским у меня происходили свои прятки, более приземленные. Успел я скрыться или нет? Вот бы узнать, что происходит сейчас там, снаружи. Были бы окна...

В стене прорезалось окно, следом за ним второе. Объединившись растеканием, словно капли воды, они создали шикарную панораму.

– Ни...

«Вот это да!» – выразил мозг немного другими словами. Надо учиться сдерживать поток желаний, а то дожелаюсь, как тот моряк, что «Якорь мне в булки, если это не Америка!»

Эта мысль не созрела до конца, а руки уже с ужасом схватились за бедра. Но – пронесло. В хорошем смысле. То ли сказочная избушка шутки понимает, то ли воспринимает исключительно прямые команды, притом действительно желанные.

Меня же теперь видно снаружи! Еще и с подсветкой, как на ладони. Я застыл, как мальчишка, собравшийся испытать, на сколько километров кошке хватит стакана бензина.

Мимо прокралась девица, из-за которой я, собственно, с дуба и...

– Кто здесь? – еще раз повторила она, озираясь и не обращая никакого внимания на находящегося в нескольких шагах меня.

Глава 2

Как я на том дубе оказался? Начну со дня неудачной шутки, с этого все началось. А может, с самого детства. Со школы, где все требовали жить по правилам, а я изо всех сил сопротивлялся. Или с родителей, воспитавших меня таким неугомонным. Или... Но тогда я должен начать если не с Адама, то как минимум с бабушки и дедушки, разрешавших поздно ложиться и читать при плохом освещении. Или не разрешали, просто я их не спрашивал? Опустим благодушное детство. И вот мне, гривастому дылде, нескладному курносому хилияку уже двадцать семь, я сотрудник второразрядного интернет-издания, который по заказу пишет о путешествиях за границу. Скажем прямо: не пишет, а компилирует чужие отчеты в нечто искрометное и шедевральное (имхо) свое, поскольку сам нигде не бывал. Заработок небольшой, хватает только на хлеб. Зато каковы перспективы! Через полгода начну выезжать с группами, чтобы затем освещать путешествия для рекламы. Увидеть мир за счет работодателя – разве не повод поработать годик за копейки?

Простите, что отвлекся. Все же начну с несостоявшейся шутки, которая привела сначала на дуб, а затем, так счастливо и загадочно, под него.

У меня недавно закончились предыдущие отношения. Они не сложились по двум причинам. Я слишком хотел быть с Ней (да-да, с большой буквы, по-другому в те дни моя любовь мне не виделась), Она слишком хотела остаться собой. Для кавалера, которому указали на дверь, приведенная мной формулировка, похожая на статус из соцсети, просто замечательная. Так всем и говорю, чтобы сочувственно кивали, а не скалились.

В качестве лекарства от неудачной любви выступила Сусанна, студентка местного университета. Я небогат, но, как говорят, остроумен и забавен, этих качеств хватило, хотя фифа, если честно, из ряда вон. Сусанна оказалась дочкой влиятельного чиновника. Не стану называть должность господина Задольского, такие в каждом городе есть, «узнаете их по делам их». Сколько бы не выкорчевывали, а тип неубиваемый, так как легко мимикрирует и без проблем вливается в любые вновь создаваемые структуры и движения. Новая партия? Если со всеми вместе, то – обязательно. Борьба с коррупцией и кумовством? В первых рядах, а то и возглавит.

Разухабистая мажорочка была красива до чертиков, одним из которых, собственно, и была. Тигрица в гриве льва, с тем же плотоядным взглядом и охотничьим темпераментом. Сначала спит, не добудишься, а едва шлея куда-то попадет...

Иногда казалось, что меня съедят уже сегодня. Или высосут кровь и закусят чем-нибудь неподобающим, без чего в дальнейшей жизни не обойтись. Но я не жаловался. На такое грех жаловаться, если ты настоящий мужчина или хотя бы считаешь себя таковым.

Меня окунуло в омут интрижки, сразу подернувшейся мутной рябью неприятностей. Сначала доставали менее удачливые ухажеры, затем великовозрастный братец Сусанны Вадик. В «патлатом уроде и голодранце» Вадик углядел угрозу будущему наследству. Насчет патлатого он прав, прическа у меня еще та, приснится – не проснешься. Насчет голодранца... тоже соглашусь. Отчасти. По сравнению с Задольскими, естественно. А насчет уroda... Извините, с какого же перепугу разбалованная сестрица выбрала меня?

Шут с ним, с Вадиком, забудем, потому что потом за меня взялся САМ. Все эти «чтоб духу твоего на нашем пороге не было», «еще раз на выстрел к моей дочке подойдешь – пожалеешь, что на свет родился»... В общем, никакой фантазии. Я и на выстрел подходил, и сам чудесно «постреливал», и дух мой потно-довольный с несокрушимой периодичностью не только на указанном пороге витал. Почему-то казалось, что мщение таким образом зарвавшегося чиновнику – восстановление исторической справедливости. Обидно, если кто-то думает иначе. Ограбить вора – национальный вид спорта, и я делал в нем успехи. Как же приятно есть мед прямо из берлоги страшного медведя, зачерпывая у него перед носом.

Однажды меня снова пригласили, повод – главная опасность отношениям отбыла вчера вечером далеко и надолго. По делам или на курорт – я даже не спросил. С глаз долой – с души камень. Аминь. Мы были одни и находились там, куда мне на выстрел и чтоб духу, что в разы повышало удовольствие. Воркуя что-то насчет глупых подружек, Сусанна массировала себе локти, за последние несколько минут потершиеся о бильярдное сукно, ответственность за подпираание тела приняли могучие достоинства размером с хорошую подушку, на зелень стола накатывали гигантские волны, коим позавидовали бы многие голливудности, я даже опасался за сохранность расплескавшегося внутри силикона. Владелица сего богатства вдруг состроила серьезную мину:

– Знаешь, Ольжик...

– Не знаю, – бодро откликнулся я.

Вообще-то мое имя Олег. Друзья в шутку даже зовут иногда Олегофреном, на что приходится обижаться и язвить ответно. Но сейчас хоть горшком назови, Ольжик так Ольжик, главное – результат. А результат, что бы ни говорили, весьма и весьма. Как говорят гусары, рекомендую.

– Я больше не буду одеваться в Милане.

– Как скажешь.

Для меня Милан – беспредметная точка на карте, я буду знать о нем больше, когда закажут статью и придется серфить любопытные факты и достопримечательности. Для подруги упомянутый город был символом успеха и гламура, поскольку именно там можно втридорога купить тряпки, чьи аналоги продаются в любой подворотне.

На мою довольную физиономию скосились опасно блеснувшие глаза:

– Даже не поинтересуешься почему?

– Поинтересуюсь. Почему? – опять легко согласился я, как соглашался со всем, что выскальзывало в такие моменты из томно приоткрытого ротика. Губы поражали неестественной пухлостью, особенно заметной при форме уточкой, что создавало вечно недовольный вид. Впрочем, мало кто видел Сусанну довольной. Это я сейчас так тонко себя похвалил.

– Но тебе неинтересно! – обиженно объявила она, ее ладони вновь оперлись об стол, приподнимая корпус. – И чего я с тобой связалась? Ты как все, тебе только одно надо.

– Пометка: только одну, – поправил я с блеском заправского дамского угодника.

А глубоко в душе, куда чужим доступ заказан, впервые согласился с вердиктом. От Сусанны – именно от нее – мне действительно нужно только это. В отличие от многих корыстролюбивых конкурентов, у меня не было жажды самоутверждения за счет связей богатой семейки. Я уже самоутвердился, когда отодвинул соперников от лакомого пирога. Теперь ел его в одиночку. Точнее, жрал. Такое именно жрут.

Маленькое дополнение: на том, что жрут, а не вкушают, мужчины не женятся. Имеются в виду те, кто себя уважает. Потому я не строил совместных планов на будущее.

А еще я боялся ее отца. Тоже неоспоримый факт, от которого не сбежать. Если в отношениях запахнет серьезностью, одним движением руки высокопоставленного фокусника события примут необратимый вид. Последнее не коснется семейства Задольских, оно затронет только мою жизнь и здоровье. В нашем захолустье, где медведи встречаются чаще, чем проверяющие из столицы, с этим приходилось мириться. Или вставать в позу и драться до последнего вздоха с привлечением всех возможностей и инстанций. Поскольку от новой подружки, как она прекрасно понимала, мне нужно только одно, такой вопрос даже не вставал.

– Дурак. – Сусанна решила перебазироваться из бильярдной в спальню. Неприкрытая красота, что просто выплескивалась из берегов, взметнулась в вертикальное обратно, и около стола вырос стебелек-мутант, со всех сторон увешанный дынями – отрада всем голодным не в плане еды. – Ничего не понимаешь. И вообще, ты скучный. Пусти.

Облом-с. Казалось, что Сусанна сейчас взбрыкнет, как бывало, и выставит за дверь с барахлом в руках. Что ж, к звездам – через тернии, не беда, наверстаем позже. Тем более, что тернии очень даже. Я уже хотел одеваться, но вместо этого...

В щеку прилетел влажный поцелуй:

– Я скоро.

Голосистая подружка прильнула на миг, что вызвало ощущение обжимашек с плюшевой игрушкой, и увихляла в ванную, отчаянно раскачивая всем, чем одарили природа и хирургия. Я снова испугался, что какая-нибудь часть не выдержит и оторвется. Обошлось.

Оставив меня, как обычно, в небольшой растерянности и большой надежде, Сусанна закрыла за собой дверцу. Скучный, значит? Порыскав по сторонам, мой взгляд остановился на бильярдном кие, я взвесил его и с сомнением отложил, после чего примерился к швабре. Это подойдет. В гостиной на глаза попался метровый меч-катана на изысканной подставочке. Совсем, кстати, не сувенирный, люди типа Задольских подделки на стены не вешают. Плюнув злым блеском, душа самурая с моей помощью покинула ножны, судьба-злодейка, опять же моими руками, примотала ее буквой «г» к неизвестной душе, заключенной в швабру, на что для надежности был изведен весь моток скотча. Получилась вполне приемлемая коса.

Вовремя вспомнилось о масках, оставшихся от прошлогоднего Хэллоуина. Часть – картонки на тесемочках, остальные – резиновые, почти настоящие. Я выбрал маску скелета. Прекрасная пара к черной простыне с кровати в Сусанниной спальне. Облегающая маска заняла свое место на лице, черная простыня накрыла плечи и голову. Развеем скуку, если кто-то называет это скукой, и пошутим немного. Я повсеместно выключил свет, выбрал из всех помещений спальню горячо нелюбимого мною брата Сусанны и спрятался там в шкафу. Пусть Сусанна меня ищет. Сюда она зайдет в последнюю очередь. А я каааа-ак выпрыгну в таком виде! А потом – любовь в чужих интерьерах, дикая и безотчетная. После испуга Сусанна такая необузданная... И молчит. Когда не стонет и не орет. Обожаю.

Вжавшись в ряд однотипных костюмов (куда столько?), я затаился, прильнув глазами к ребристо-маговому стеклу. Видно было отвратительно, но видно. Еще можно глядеть в щелочку между створками, но слишком уж мала, сектор обзора просто смехотворен.

Шаги. Мышцы у меня вздулись, я приготовился.

Что-то напрягло. Шаги были какие-то неправильные. Дверь – которая в комнату, а не в мой шкаф – с грохотом отлетела в сторону, петли всхлипнули, ручка ударила по стене, словно та с детства над ней издевалась. Даже косяк зашатался. Ногой, что ли, открыли? Разве дома себя так ведут?

А если ведут, то – кто?

Как и следовало ожидать. Вадик. Стокилограммовый тридцатилетний боров, по служебному расписанию обязаный сейчас копаться в бухгалтерских отчетах аэропорта, вошел в свою комнату. Дверь за собой была захлопнута пяткой, поскольку могучие передние лапы оказались заняты, они держали девушку в невменяемом состоянии. Девушка... скорее, девчонка, была светленькой лицом и телом, щуплой, с едва наметившейся фигурой. Тоненькие ручки висели плетью, голова и ноги столь же безвольно болтались. Почти ребенок, если верить первому взгляду. В любом случае, она не пара зрелому свинтусу в обличье приодевшегося бегемота. Я закусил губу. Надо как-нибудь проследить за развлечениями кабана-переростка. Если он действительно окажется педофилом, можно обзавестись компроматом и отомстить за все былое так, что мало не покажется.

Вадим выглядел и вел себя так, что отомстить очень хотелось. За все хорошее. И еще, желательно, впрок. Мыслишки об этом появлялись и раньше, но несерьезные. Какой-никакой, а брат моей девушки. Пусть живет. Ему и так несладко, такому толстому. Почему-то казалось, что толстым, из-за их диет, постоянно несладко. У моего организма отношения с едой скла-

дывались самые дружеские, если не сказать любовные, отсюда сослагательное наклонение в отношении к тому, что мне несвойственно.

Гора мяса по имени Вадим положила ношу на постель и нависла сверху, грозя раздавить и погрести под сальными напльвами. Нет, пока обошлось без жертв. Братец удовлетворенно крикнул и стал раздеваться. На пол поочередно полетели пиджак, галстук, подплечный пистолет в кобуре (Травматический или газовый, не боевой? Надеюсь, что так) и рубашка. Последней, после некоторой возни, вызванной комплекцией носителя, на неряшливый курганчик спланировала майка, после чего обширные тела долго колыхались, пока их хозяин расстегивал многочисленные застёжки на добыче.

– У-у, нагородили хрени... – Ругнувшись, Вадим похлестал девчонку по щекам: – Ау! Приехали.

Та охнула, быстро заморгала и, перебирая локтями и ступнями, попятилась к стенке.

– Снимай. – Мясистый подбородок указал на одежду.

– Ннне ннадо... – пролепетала девчонка. Негнущиеся пальцы схватились за развороченный верх. – Я не думала...

Ее била дрожь.

Вадик ухмыльнулся:

– А надо было. Думать, знаешь ли, вообще полезно.

– Я же только...

– Продинамить хотела?

– Отпустите!

– Конечно, отпущу. Потом. Сразу.

Жирные пятерни потянулись к открытым коленкам.

Дверь в комнату распахнулась. Картина маслом: в проеме красочно изогнулась Сусанна, весь ее вид говорил, как она хорошо подготовилась ко второму раунду горизонтальных деловых переговоров – розовая, растертая, местами еще мокрая. На цыпочках. С игривой улыбкой. Губки бантиком. Блеск.

Ожидая увидеть совсем не то и не того, она с воплем отскочила с линии видимости. Появившаяся из-за угла босая ножка нащупала и осторожно затворила дверь, и уже из-за двери мадмуазель Задольская недовольно выдала, словно в лоб тарелкой:

– Ты чего здесь?

– А ты? – последовало в ответ.

Интонация была столь же милая. Имейся в помещении порох, он бы взорвался.

– Практика отменилась, – сообщила невидимая Сусанна.

– А меня по работе вернули. Чего в мою комнату вперлась?

– Можно я п-пойду? – пробился от стены голосок. Тихо, но достаточно ясно. За дверью должны были слышать. – Я не хочу...

Мощная пощечина восстановила тишину.

Сусанна явно не желала лезть в дела братца:

– Я искала... Впрочем, ладно. Я пошла, отдыхай.

– Уходишь совсем?

– Да. Одну вещь найду и уйду. Больше не отвлеку.

Обратившись в стекло, я боялся, что сердце выдаст меня неменяемой канонадой, от которой шатались костюмы-соседи. Огромные, как сам владелец, они всей шеренгой мрачно косились в мою сторону, словно ожидая приказа к атаке.

Снаружи Вадим схватил за щиколотки и рывком подтянул девчонку к себе.

– Пожа-а-алуыста... – У нее даже не было сил сопротивляться, только молить о пощаде.

Явно не ролевые игры. Значит, следующий ход за мной. И момент исключительный – Вадик сильно занят, его лицо смотрит в другую сторону.

– У-у-у!!! – С жутким воем меня вынесло из шкафа, над головой вознеслась псевдокоса. Я готов был рвать и метать. Готов убить. Во имя справедливости. Добро, как учили меня с пеленок, должно быть с кулаками.

Первые полметра дались на ура. Потом простыня зацепилась за ручку шкафа, меня крутануло и опрокинуло, благодаря моей же инерции. Голого. Прямо к ногам противника.

Маска свалилась, коса отлетела в сторону и развалилась на составляющие. В следующую секунду я получил такой удар ногой, что временно научился летать. Прикроватная тумбочка всплакнула под обрушившимся телом, голова стукнулась о кобуру. С трудом собравшееся в кучку зрение уловило, как Вадим медленно и страшно поднимает катану.

Моя рука потянулась в кобуру. Машинально. Когда хочешь жить ...

В армии я служил в пехоте и более привычен к автомату, но когда приперло...

Предохранитель. Затвор. Спуск.

Это оказался не резиностел. И не газовик. Вспышка молнии, удар грома... Свинцовый молот отбросил нападавшего к стенке, в обвисшей груди сочилась клякса непоправимости.

Прямо в сердце. А в армии говорили, что я плохой стрелок. Оказывается, все дело в обстоятельствах. Последний взгляд Вадика выразил удивление и ушел в вечность.

Визг. Вопль. С постели сорвалась и унеслась в сторону выхода спасенная девчонка. А в дверях стояла Сусанна. За это она время не надела даже бюстика. Я не верил глазам: она не была шокирована. Пройдя вперед, отфитнесенные ножки пошевелили мертвое тело, взор с интересом переполз на меня:

– Забираю свои слова. Ты не скучный.

– Что теперь? – тупо осведомился я у единственного человека, кто не потерял самообладания.

– Однозначно – полицию вызывать. Но сначала позвоню папе. – Во всей вызывающей красе, до которой мне сейчас было как бурундуку до ставки рефинансирования, Сусанна деловито прошла по комнате брата, сосредоточенно разглядывая вещи и перебирая руками бумаги и сложенную одежду. Сусанна не обращала внимания ни на валявшееся мертвое тело, ни на запачканные кровью обои. Внизу продолжала расплываться лужа, остекленевший взор и застывший в удивлении оскал трупа подтверждали, что он труп. «Скорая помощь» если потребуется, то для засвидетельствования сего факта.

Сусанна сказала «папе»?! Непоправимость и ужас случившегося отошли на второй план. Сквозь мириады мельтешивших «Как же так?!..» и «Я же только...» пробилась реальность. Страшная картинка у меня перед глазами сменилась еще более страшной: место Вадика теперь занимал я, только дырка в теле была не одна. Господин Задольский, возможно, не садист, но привык решать проблемы комплексно, а про его возможности знал весь город.

– Не надо папе! – попросил я.

Сусанна остановилась на миг, на меня с брезгливым равнодушием поглядели красноносые дыни и одновременно покачали головами.

– Надо. В первую очередь. Но у тебя есть... – задумчивый взгляд подружки поднялся на часы, и губки уточкой превратились в настоящий клюв, – пять минут. Через пять минут я звоню.

– Ты же видела, это была самооборона!

Сусанна молча смотрела мне в глаза. Ни боли, ни страха, ни сожаления. Ни-че-го.

– Сусанна! – взмолился я. – Твой папа или прибудет меня, как муху, или засадит до конца жизни!

– У тебя четыре минуты. – Она отвернулась.

Я никогда не думал, что женский зад может быть столь холодно-презрительным. Дескать, вот тебе на память, чтоб за решеткой вспоминал.

Повторюсь, «за решеткой» – лучший вариант из всего, что можно представить, другие вообще вспоминать не позволят. Меня понесло в соседнюю спальню, где остались вещи, там я лихорадочно оделся.

Убийца. Хотел пошутить – и дошутился. Отнял жизнь. Теперь с этим жить.

Или не жить, если господин Задольский подсуется. Или, в зависимости от его фантазии, жить не в полном комплекте, кушать и отправлять естественные нужды через трубочку, а ноги и руки держать на столе в высушенном или заспиртованном виде, чтобы каждую минуту помнить, почему они теперь там, а не на местах, предназначенных природой.

Когда я выходил, Сусанна шарила по карманам убитого.

– Знаешь, Ольжик, – ввернула она привычную прелюдию, за которой обычно следовала очередная бабская ересь.

– Не знаю, – стандартно откликнулся я, потерянный и потрясенный.

Вид склонившейся в другую сторону недавней баловницы никаких эмоций не вызвал, только желание пнуть. Уж больно ворота шикарны. Да и ремень пришелся бы ко двору, видно, что в свое время классическим средством воспитания пренебрегли.

– Вряд ли еще увидимся, поэтому скажу. – Сусанна выпрямилась, вновь превратившись в обвешанную глобусами указку. – Можешь принять за комплимент. У меня было немало мужчин, но оно того стоило только с двумя, с первым и последним. Могла бы выбирать сейчас – с прочей шушерой не связывалась бы. Ты настоящий мужик.

Не зная, что ответить, я буркнул «Спасибо». Комплимент всегда приятен. Особенно в ситуации, когда он не комплимент, а идущая из глубины души правда. Но сейчас мне было не того, сейчас я думал о будущем, а не о прошлом, и ничего из надуманного не радовало.

Сусанна улыбнулась своим мыслям:

– Хотя, знаешь... Я не права. Чтобы найти золотой самородок, нужно перевернуть столько шлака...

Логика возмутила.

– Присмотри на витрине и купи, – отрезал я.

– Настоящую драгоценность не купишь, ее можно только добыть.

Философствования Сусанны меня не волновали, они бесили. Мысли витали в другой области, никаким боком не пересекавшейся с затронутой.

– Сусанна, что мне делать?

– Совсем с головой плохо? Беги!

– Куда?

– Куда угодно, только быстрее и подальше, ты моего папу знаешь.

Да, я знал. Оттого не бежал, а пребывал в ступоре невозможной надежды: вдруг подружка передумает, вдруг чем-то поможет? У их семьи возможности невероятные!

Увы. Меня уже вычеркнули из списка знакомых.

Я механически коснулся губами холодной щечки. На прощание. В исконном смысле. Сусанна словно проснулась, ее всколыхнуло:

– Помнишь Раю? Тогда, в клубе...

Еще бы. Такую забудешь. Вешалась на меня прилюдно. Сладкоокая лакомая штучка, погрязшая в тех же заботах, что и Сусанна. Верх, низ, середина – все на уровне. Только в шмотье и амбициях она Сусанне уступала – родичи подкачали, не смогли забраться на пирамиду изобилия выше Задольских.

– Рая на тебя глаз положила, – глухо сообщила Сусанна.

Я бы назвал происшедшее тогда, в клубе, иначе. Боевая подружница не столько хотела меня соблазнить и отбить, сколько Сусанне досадить. Нормальное такое женское желание.

– Думаю, она тебя не прогонит. Если идти больше некуда, вот ее адрес.

Ко мне вновь обернулся навсегда теряемый тыл, Сусанна крупно нацарапала что-то карандашом на салфетке, и когда написанное оказалось в моих руках, спокойно ушла. Прощайте, полцентнера сладкого пуха. Какими бы вы ни были, мне было хорошо с вами.

Презрев лифт, я пронесся с восьмого этажа по лестнице. Консьерж быстро отвел глаза – по просьбе Сусанны он меня «не замечал». Как «не заметил» и ношу Вадика, незадолго до того пришедшего домой с подземной стоянки.

Сусанна права. Бежать.

Глава 3

Как и большинство нормальных людей, побег я никогда не планировал. В криминальных кругах нужные знакомства отсутствовали. То есть, выход пришлось искать самому и быстро.

Родителей несколько лет как в живых не было, к другим родственникам обращаться не хотелось. Друзья, как помощники в подсудном деле, тоже отпадали, у них и через них меня будут искать в первую очередь. И положившая на меня глаз знакомая, чей адрес лежал в кармане, отмелся сразу. Стоит Сусанне передумать или случайно проболтаться, и бегство от ярости ее папаши обратится в глупый фарс.

Городок у нас, конечно, не столичный, но немаленький. Не деревня, где каждый если не родственник, то знакомый. Но через одного-двух все друг друга знают. Лучше бы мне затеряться в большом мегаполисе, но до ближайшего из них надо как-то добраться. И что там делать, куда податься? Ночевать на вокзале опасно, Задольский подсуется, ориентировки придут раньше меня. Делить с бомжами теплотрассу тоже неохота. На съём квартиры нужны деньги, и даже если я их каким-то образом добуду, хозяева или соседи легко сдадут меня любому, кто будет интересоваться новым жильцом.

Взболтанная мозговым штормом память выдала: «А как насчет Игорёхи, сержанта-земляка, который помогал на первом этапе службы – то советом, то авторитетом, то ядреным словом?» Он деревенский, живет не так далеко отсюда. На попутке – час-полтора. Мы с ним никогда особо не дружили, но армия – такая штука...

Так я оказался в Запрядье. Сослуживец работал водителем, мы пересеклись на грунтовке перед деревней, где я долго околачивался в ожидании.

– Правильно, – одобрил Игореха, когда я рассказал все. – Поехали.

Бывший сержант погрузнел, немного округлился и посерьезнел, однако лучики в уголках глаз остались прежними. Взгляд словно смеялся в лицо неприятностям, которых всегда хватало. Язык не позволял назвать его Игорем или по отчеству. Игореха, и точка, уж такой человек.

Старый грузовик едва душу не вытряс, затем ноги долго тренировались не ломаться, хотя условия вели именно к этому.

– Жить будешь здесь. – Длинный Игорехин палец указал на заброшенную землянку.

Полуразвалившимся жилищем не пользовались, наверно, лет сто. Скрытое дебрями, оно находилось в паре часов хода по бурелому, туда не вело ни одной тропинки. Обратного ни за что не выйти в одиночку.

– Про это место два-три мужика знают, не больше, – заявил Игореха. – Все они свои в доску. Если явятся – ссылайся на меня, вопросов не будет.

Глянув на часы, он заторопился:

– Бывай. Позже принесу инструменты, посуду и прочее.

«Мирись с соперником своим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге и не ввергли бы тебя в темницу. Истинно говорю тебе: не выйдешь оттуда, пока не отдашь последнее». Библия, между прочим. В последнее время я плотно увлекся религией. Не-не, не уверовал, а чисто в информационном плане, как хобби, поскольку не понимал, почему люди воюют, хотя верят в одно и то же. Казалось бы, нужно искать общее, а не то, что разделяет. Среди тех, с кем я пересекался по работе, встречались люди верующие, диспуты с ними частенько затягивались за полночь. Общее нашлось без проблем: иудеи, христиане и мусульмане признают Ветхий завет святой книгой. Дальше начинаются вариации. Чтобы не стучаться фейсом в тейбл и никого случайно не задевать, в том числе читателей моих гениальных статей, пришлось ознакомиться с текстами всех Писаний. Кое-что я использовал в работе, чтобы придать бессмысленному тексту намек на глубину, а что-

то приходилось просто к слову, как сейчас. «Не выйдешь оттуда, пока не отдашь последнее». Злободневно для всех времен и народов. И меня коснулось. А последовать совету «Мирись с соперником своим скорее» невозможно, судьи уже все решили, слуги потирают руки, темница готова. В общем, как всегда: на Бога надейся, а сам не плошай. Не получается по Писанию – поступим по мудрости народной.

Утром, когда подмерзший от сна на сгнившем тюфяке из сена я выбрался на «улицу», сослуживец как раз подходил.

– Созвонился с одним приятелем, у него есть хороший адвокат, – сообщил он. – Пообещали заняться.

Я беспокойно ерзнул:

– Через адвоката на тебя не выйдут?

– Полиция? – Игореха расплылся во все тридцать два крепких здоровых зуба: – Разведка рулит! Комар носа. В общем, сиди тихо, наслаждайся покоем. Твоими делами занимаются.

– Сейчас у меня не получится заплатить адвокату...

В ответ я чуть не получил в глаз.

– Ты еще мне денег предложи. – Игореха укоризненно умолк на пару секунд, затем продолжил более спокойно: – Сочтемся. А пока вот, принимай. – Помимо обещанных посуды и инструментов он принес спички, охотничий нож, бинокль, удочки и лук со стрелами. – Мог бы и ружье, но выстрелы привлекут внимание. – Он сделал виноватое лицо.

Еще у меня появились аптечка и одежда для проживания в лесу, всякая мелочь типа ниток-иголок, а также запас еды, включая такие необходимые соль, чай, перец, чеснок, лук...

– На первое время хватит. По возможности буду навещаться, но не часто, у нас народ ушлый, мигом прознают.

Потом он вкратце рассказал про окружающие места, про жизнь в лесу и его обитателей, и я снова остался один. Началась жизнь отшельником.

Недолго длилась идиллия, уже на второй день мимо кто-то ломился сквозь чащу. Хорошо различались два мужских голоса. Жутко матерившиеся неизвестные волокли с собой третьего, которому их крепкие выражения предназначались. Я затаился. Голоса приближались.

– Любишь кататься – люби и саночки возить, моксель недоекселенный.

Это было самым литературным в многоэтажно построенной речи, что обещала согрешившей душе все адские муки с детальным их живописанием. В сравнении с перечисленным, круги ада, вышедшие из-под пера Данте – сочинение первоклассника «Как я провел лето».

Грузный топот замер перед землянкой.

– Занято, итить его в самую урну.

– Не будем мешать.

Щель между досками показала обладателя голоса и его дружка. Два деревенских битюга усталились на следы чужого обитания. Лежавший в ногах третий, ярко и модно упакованный, но во всем рваном и с головы до ног окровавленный, с трудом сдернул что-то с шеи, и незаметным броском вещица оправилась в траву под кустами. После облегченного вздоха модник тут же получил пинок в пах.

– Куда теперь? – спросил первый из местных.

– На берег давай, – буркнул второй.

Они ушли.

Выйти из землянки я рискнул часа через два. Легонько шумели вдали высокие сосны, безоблачное небо прочерчивал, как мелом по линейке, невидимый и неслышимый самолет, больше нигде не было ни звука, ни движения. Еще раз удостоверившись, что опасности нет, я полез в кусты. Меня интересовал выкинутый предмет. Должно быть что-то ценное, если парень не хотел, чтобы оно досталось обидчикам. В лесу мне ценности нужны как слону ласты, но в

планах был расчет с адвокатом. Неплохо бы гордо вынуть подарок судьбы и скромно поинтересоваться: «Этого хватит?..»

Брошенной вещью оказался медальон. Или кулон. Еж его знает, как назвать. Не сказать, что ценный или красивый... Честно говоря, никакой. Так, непонятная хреновина на простенькой ниточке, вроде куска расплавленного свинца. Ни золотом, ни драгоценностями не пахло. Как бы облезлая монета, но даже до монеты не дотягивала. Со вздохом я сунул находку в карман и прошел в направлении реки, куда отправилась недавняя троица.

Вот. В воде. Труп. Похоже, зацепился за что-то на дне.

Если бы не я, столь не вовремя занявший землянку, возможно, парня ждала другая судьба. Рассмотреть его, когда тащили, было невозможно, но не приходилось сомневаться в двух фактах: он был молод и не из этих мест. Настолько ярко в наших краях не одеваются.

Вторая смерть, и снова из-за меня. Что-то со мной не так. Не окажись я в определенное время в определенном месте, два человека (не важно, хороших или плохих, это не мне решать) остались бы живы. С другой стороны – что собирались делать с парнем в землянке? Может, утопление – счастье? Если вспомнить проявленную в угрозах фантазию, покойнику, должно быть, повезло, что отмучился быстро.

Если бы да кабы...

Длинной веткой я потыкал в едва просвечивавшую в мутном потоке яркую куртку. Сдвинуть не получилось. Тогда я натаскал удобных в переноске валунов и закидал ими утопленника. Или убитого – как знать, что с ним сделали до окончательного перемещения в воду. Покойся с миром, парниша. Прости, можно было вмешаться, двое на двое – расклад справедливый... Недавно я пытался помочь, и вот чем закончилось. Да и помогать, не зная сути дела... Возможно, будь я в курсе о подробностях, принял бы другую сторону.

Хватит об этом. Не судите, да не судимы будете.

Я отправился обратно.

Эта ночь не выглядела ночью. Полная луна сделала мир отчетливым и мрачным. Телевизора у меня не было, как и вообще электричества, огонь я предпочитал зря не разжигать – не считаешь, даже если бы книги были, и внимание привлечь лишний раз не хотелось. Из развлечений остались спать да гулять.

Спать не хотелось. Выйдя из затхлой землянки, я обомлел: с другой стороны реки, где, как говорил Игореха, проходила кабанья тропа, и куда, стараясь не мешать размножению будущих трофеев, редко-редко забредал кто-то из деревенских, сейчас виднелось зарево. Костер. Или костры.

И голоса. Женские! Прекрасно слышимые в ночной тиши даже на таком расстоянии.

Стало жутко интересно. В смысле, что одновременно жутко и нестерпимо интересно. С ножом и биноклем я направился к опушке, что выходила на реку, где прокрался к прибрежным кустам.

Стало еще более жутко. На противоположном берегу горели костры. Небольшие, но много. В две окружности. Меньшая – метров в десять, большая – в тридцать. Внутри, между кругов, танцевали шесть девушек в длинных белых одеяниях. Как в старину. Босоногие и украшенные венками, они то ли пели, то ли просто что-то выкрикивали. Через фразу повторялось нечто похожее на «Альфавиль», если произнести протяжно. В кружившемся хороводе то одна, то другая, заливаясь счастливым смехом, запрыгивали в пустую центральную часть, восторженно орали что-то, и через мгновение выскакивали обратно.

В веселенькое же место меня занесло. Полнолуние, полночь. Шабаш ведьм?

Настроенная в окулярах резкость показала, что все девушки – как на подбор, молодые, в самом соку. Не рыжие. И на том спасибо. Хотелось бы верить, что не ведьмы... либо один

из стереотипов считаем сломанным. Ни одной метлы, как и сопутствующих чертей, рядом не видно, что на самом деле ни о чем не говорит. Спрятаны. Или позже появятся.

Смотрим дальше. Итак, все разные – блондинка, брюнетки, шатенки. Длинно- и коротковолосые. Полненькие и худые. Танцуют не отрешенно, а от души, как получится. Получилось нечто древнее, языческое. Может, они и есть язычницы?

Я прислушался внимательнее. Доносились только невразумительные обрывки:

– ...Альфа-виль!.. Пришло время... Мы ждем... Альфа-виль!.. Любая из нас... Свет смеет тьму... Придет час... Выбор... Альфавиль-виль!... Мы вместе...

Непонятно. Ничего похожего я по телевизору не видел и о таком не читал. Напоминает просто коллективное сумасшествие. И при чем здесь известный только киноманам Годар с его мрачной фантазией? Или местный Альфавиль – нечто другое? Еще, помнится, была музыкальная группа с таким названием. На фанаток-меломанок, как и на почитательниц кино в стиле нуар, собравшиеся мало походили.

– ...Альфа-виль!.. Нас все больше... Сегодня... Завтра... Альфа-виль!.. Мы готовы... Заря... Каждую луну... Альфавиль-виль!..

Их ноги вскидывались, головы тряслись, поясницы гнулись, словно были резиновыми. Только бубнов не хватало для знакомой из телевизора картинки. Передача «Танцы народов мира», пляски диких племен.

Шаманский танец продолжался до упомянутой плясуньями зари. Перед рассветом девушки угомонились, в какой-то момент их гибкие фигурки будто сломались и повалились на траву в кружок, в молчании наблюдая за становлением нового дня. И вдруг, переглянувшись, ведьмовские создания сорвались с места, на ходу стягивая с себя длинные балахоны. Под балахонами ничего не было. Ведьмы, однозначно ведьмы. Такого мороку на меня напустили, не вздохнуть. Вроде, июль на дворе, давно не Иван Купала, тот прошел месяц назад – знаю точно, в новостях был репортаж. И, тем более, сегодня не первой с его Вальпургиевой ночью. Что-то новенькое, наука неизвестное?

Шестерка таинственных чаровниц ринулась к реке. Слева вниз к воде сходил изрытый крутой спуск, он заканчивался отмелью. Девушки посыпались с него горохом. Брызжущие плюхи ногами по вспыхивающей взрывами воде – быстрые, невообразимо шумные – встряхнули ночную природу.

– А! Ой! Ах! Ииии! – звенело над речкой.

Примерно с полчаса продолжались водные баталии, где кто-то кого-то догонял, кто-то топил, кто-то удирал, кто-то брызгался. Обычная девчачья веселуха.

Разошлись ночные плясуньи только при свете поднявшегося солнца. Покинув жидкую стихию, блестящие фигурки взобрались на край насыпи, где нацепили подобранные балахоны прямо на влажную кожу. Со смешками и прибаутками уставшая шестерка двинулась вдоль берега, иногда показываясь среди деревьев и вновь исчезая. Потом донесся плеск. Наверное, сели в лодку. Костры давно погасли.

Когда тишина стала полной, я покинул свой наблюдательный пункт.

Глава 4

– Разве существуют на свете люди, кому не нравятся эти приятные сердцу внезапные трески, кашли, хрипы, шорохи, рык, крадущиеся в темноте шаги, чьи-то непонятные вздохи, которые так радуют душу знанием, что ты не один в этом чудесном месте? – говорил Игореха, наведавшийся ко мне через неделю.

– Еще как, – уверил я, хотя на самом деле мнения ничуть не разделял. – Но давай ближе к делу.

– Есть известия от адвоката.

Над костром благоухала уха, я ее периодически помешивал. Игореха расположился на трухлявом пне, бугристый нос с удовольствием втягивал запах, отчего глаза закатывались, будто эти процессы были взаимосвязаны. Вдох – зрачки задрались, выдох – опустились. Простейшая механика. Спрашивать, к каким еще процессам физиологии Игорехи применимо данное правило, думаю, не стоило.

– Значицца так. – Его руки сложились на груди, взгляд с большим трудом отлип от котелка, отчего сообщавшаяся с носом система приказала долго жить. – Во-первых, девчонка, которую, по твоим словам, убитый принес в дом, в деле не фигурирует.

Мое негодование прервал взмах руки.

– Второе. О чем ты не сказал. Я говорю про обвинение в краже.

Если у удивления имеются зарегистрированные рекорды, я побил их все:

– В краже чего?!

– Неких важных документов.

Припомнилась шарившая по комнате брата Сусанна. Меня скрутило, как от зубной боли. Если насчет кражи правда...

– Это подстава!

– То есть, ты не брал?

– На фига?!

Игореха пожевал нижнюю губу.

– И не мог случайно прихватить...

– Как ты это представляешь, мать твоя красавица?

– Никак. Однако, в жизни всякое бывает. Значит, не было никаких документов?

– Нет, – отрезал я, надуваясь, как спасенный из морских лап многодневный утопленник.

– Может, на флэшке? В электронном виде? Ты мог не знать...

– Я ничего не брал у Сусанны.

– А не у Сусанны? Просто задел что-нибудь в квартире или уронил, а рука автоматически сунула в карман...

Не снизойдя до словесного реагирования на глупость, я отрицательно покачал головой.

Игореха сделал, наконец, шаг в правильном направлении:

– Понимаю. Задольские интересовали тебя исключительно в телесно-приятном аспекте.

– Не во множественном числе, не обобщай. Хотя после произошедшего...

У меня в глазах вспыхнули варианты.

Не жаловавшийся на фантазию приятель улыбнулся, потом вздохнул:

– Смотри, какая ситуевина вырисовывается. Пока Задольский в силе, тебе ни хрена не светит. Единственный путь не сесть всерьез и надолго там – это сидеть тут. И не рыпаться. Ключевое слово – «пока».

– Сколько оно будет длиться? Сукин сын, судя по холеному виду, помирать не собирается. – Я смахнул с носа надоедливый комар. – Если только от излишеств. И в высоких кабинетах он как рыба в аквариуме, все схвачено, каждому кум или сват.

– В том-то и штука, – вдруг улыбнулся Игореха. – Кирилл Кириллович, адвокат, сказал по секрету, что под твоего Задольского серьезно копают. Какие-то молодые и нахрапистые. Старый хрыч со дня на день в отсев пойдет, тут ты и явишься с повинной. Мол, боялся за жизнь, а теперь готов поведать все как на духу. И те же улики, которые сейчас против тебя, вдруг станут за тебя. Усек пропорцию?

Игореха иногда вставлял в речь слова, смысл которых не до конца понимал. Или специально так делал, для хохмы. Весьма полезно, когда оппонент тебя недооценивает, считая себя умнее. Неплохо бы и мне приемчик перенять.

Разговор зашел насчет житья-бытья, я мимоходом любопытствовал:

– В полнолуние в лесу свет какой-то виднелся. Вроде, костры.

О невероятном продолжении я решил пока не говорить.

– Где?

– У кабаньей тропы.

Игореха посерьезнел.

– Не-е. – У него глазах мелькнул странный огонек. – Не может быть.

На этом разговор закончился. Про визит к землянке двух местных и последующий труп я тоже говорить не стал – проблем и без того хватало, чтобы еще деревенским дорогу переходить.

Я привыкал к лесной жизни. Рыбачил. Учился охотиться. Тренировки составляли единственное осмысленное наполнение дня. Я метал нож, стрелял из лука. По мишеням. По животным пока не спешил. По двум причинам. Стрелы жалко – раз. Лесная живность чуяла меня за версту и обходила – два. Но присутствия духа я не терял. Всему свое время.

Нервировали безумные лесные насекомые и отсутствие хлеба. Зато ягоды и рыба были в изобилии, первых хоть лопатами жуй, вторую нужно вынимать из воды... если знать место и время. Спасибо Игорехе, знание появилось.

Браться я перестал вовсе, хотя станок с набором лезвий у меня был. Перед кем форсить? Перед кикиморами болотными? Так ведь нету их, родимых. А жаль. Сейчас бы и кикимора жизнь скрасила.

Пару раз над лесом взреывал густой шум – любители внедорожников собирались помесить грязь и поточить лясы. То джип-триал, то трофи-рейд, то обычные покатушки. Похожий на лешего, я сидел в зарослях, наблюдая чуждую для себя жизнь.

– Блокировки!

– Давление до ноль-восемь!

– Сендтраки!

– Лебедуй!

– А точка-то под водой!

– Хай-джек утопил!

– У меня ебс не отключается!

И прочая хрень. На первый раз. На второй раз я уже отличал стальной сендтрак от пластикового, а а-бэ-эс от и-эс-пи.

Разворотив природу, а заодно вдребезги ухайдакав несколько машин и ящиков водки, довольный народ в темноте расплзался по городским квартирам. Рев над лесом в такие дни стоял несусветный.

А Игореха твердил: никого, глушь...

Так прошел месяц. К следующему полнолунию я был готов. Даже побрился зачем-то.

Еще до заката хлипкий плотик переправил меня на тот берег, где я замаскировался в кустах у самой воды, в самой их середине. Даже в упор посмотришь – не поймешь, что там за бугор такой странный в непроходимой поросли торчит. С собой – только нож. На всякий случай. Бинобль остался в землянке. Зрелище, если состоится, буду наблюдать прямо из партера. К тому же, блеск окуляра мог бы меня выдать – в армии о таких вещах всю плешь проели.

Я расположился с максимально возможными удобствами, маскировка – на уровне, осталось узнать, не зря ли вся эта подготовка. Подо мной последний раз чавкнула грязь, шелохнулись ветви, и все затихло. Ждем-с.

По шее полз молоденький паучишка. Пели какие-то птички. Жужжали злые комары, к которым я стал привыкать – живем теперь вместе, соседи, какие-никакие. В городе бывает соседство похуже. Хотя, как известно, человек ко всему привыкает. Даже к невыносимым соседям.

Вокруг было тепло, тихо и...

Уже не тихо.

В грязь я залез не зря. Жрицы неведомого Альфавильвиля явились вновь. Та же шестерка. Сегодня – плюс еще одна, седьмая. Такая же молоденькая. Даже моложе остальных. Смешливая, тихая, взгляд скромный и наивный. На вид – едва ли не школьница, то есть ребенок по сравнению с прочими. Крепенькая, порывистая, светловолосая. Она стремилась скрыться за спинами, а ее упорно выдвигали вперед. На всех опять были длинные льняные сарафаны, на головах венки. Шли они осторожно, но быстро.

– Может, не надо? – похоже, не первый раз интересовалась младшая.

Она вновь спряталась за кого-то из старших. Не получилось, одновременно несколько рук вытолкнули ее на поляну, из мрака в свет.

– Глупенькая, – сказала ей одна, самая полненькая. – Счастья своего не понимаешь.

– Не бойся, – ласково прибавила другая. – Любая с радостью поменялась бы с тобой.

И вздохнула.

Что-то непонятное нарушило ночную тишину. Все замерли. Лица, как по команде, обернулись к реке.

Вылупившаяся луна красила водную дорожку сиянием. Едва видная в этом свете, к месту сборища по реке быстро приближалась голова неизвестного. Через минуту стало казаться, что голов две, слышался плеск, мелькали руки. Еще через минуту загадка разрешилась: мокроблестящий пловец тащил плывущий пластиковый пакет с вещами. Пловец выполз вниз на отмель. Выползла, поскольку тоже оказалась девицей, приятные глазу признаки не оставили сомнений. Вытащенное из пакета полотенце отерло многовыпуклую фигуру, ее покрыл такой же, как у всех, балахон. Я не успел огорчиться, ибо застыл, не смея шевельнуться, даже глаза пришлось превратить в щелки, чтобы не блестели: новоприбывшая, взобравшись по откосу, огляделась по сторонам и быстрым шагом направилась ко мне.

Провал. Сквозь щетку ресниц я глядел, как она приближается. Бежать? Или сдать – дескать, повинную голову меч не сечет? Интересно, что сделают со случайным свидетелем. Если для участниц происходящее – нечто вроде ролевой игры, то перебежусь. Пожурят и отпустят. А то и в компанию примут, чем черт не шутит. Против такого развития событий я несколько не возражал. Если же все всерьез...

И если учесть, что свидетель вовсе не случайный...

Дойдя до зарослей, девушка остановилась, целью оказались ветки с листьями – из них ее проворные пальцы сплели венок. Водрузив его на мокрые волосы, девушка двинулась обратно:

– Здорово, красавицы! Наши ряды и шансы растут?

– Запаздываешь, Настена.

– Филька, скотина, никак не вырубался, – оправдывалась Настена. – Пришлось второй пузырь раскупорить.

– Та же история, – ввернула одна из пришедших ранее, полненькая, с грустными глазами. – Не засыпал, хоть тресни.

– В прошлый раз вообще выбраться не смогла, – добавила Настена.

Она с удовольствием оглядела потупившуюся новенькую. Даже вокруг обошла.

– А я своего в город отправила, к братьям, – объявила еще одна.

– Загуляют, Санька, без твоего присмотра. – Настена с сомнением покачала головой. – До чертиков ведь упьются. Опять в больницу как на работу ездить будешь.

– Пусть. – Санька передернула плечами. – Зато я здесь.

– Не понимаю вас. Зачем за алкашей держаться? – брезгливо вставила блондинка с длинными прямыми волосами, самая статная, яркая и отточенно-правильная во всем – от черт лица до жестов и походки. И, пожалуй, самая спокойная во всей компании. Остальные постоянно оглядывались, перешушукивались, вздрагивали от случайного шороха, а блондинка не боялась ничего, смотрела прямо и строго. Она знала, что делает и зачем. Другие играли в опасную игру, а она как бы занималась делом – четко, бесстрастно.

– Тебе хорошо, Полинка, ты свободная, – завистливо проговорила грустноглазая светловолосая пышечка. В ожидании назревающих событий она томилась, лоб хмурился, пухлая ножка водила ступней по траве. Получался знак бесконечности. Не факт, что девушка рисовала именно его, лицо было простым, взгляд – усталым. Жизнь с выпивохой радости не приносила, оттого, наверное, она бежала сюда – за эмоциями, которых не давала семья. Или еще за чем-то. Чужая душа – не только потемки, в комплекте еще и минное поле, постороннему и неподготовленному лучше не соваться.

– А по мне, – втиснула доселе молчавшая крепко сбита молодка, – пусть пьет, но чтоб был.

Что ж, такое мнение тоже имеет право на существование, я слышал его неоднократно, хотя не понимал.

Настена снова кивнула, остальные взглядами показали разброд мнений.

– Мой сегодня будто почувствовал что-то, – подала голос еще одна, – все слюнявиться лез.

– И мой долго возился, – поддакнула другая, черноглазая и черноволосая.

– Может, вам уже и не надо было приходиться? – съязвила молодка, похожая на спортсменку-штангистку, которая заявляла «чтоб был».

Брюнетка хвастливо подбоченилась:

– Может, и не надо.

Ей в бок прилетел локоть кого-то из соседок, но было поздно.

– Аська, это вы про... – новоприведенная младшенькая осеклась, прикрыв рот ладонью.

Чернявая Аська, чей мужик сегодня «долго возился», под испепеляющим взглядом Полины заговорила:

– Это мы, сестренка, о своем, о женском. Не бери в голову.

Ого, отметил я, «сестренка». Это как: по вере или по жизни? Если по вере, то вопросов нет, так многие друг другу называют. Если же действительно сестры...

Кажется, старшая втягивает младшую во что-то сомнительное, младшей не особо нужное.

– Я, например, прихожу слушать, – продолжила та, у которой мужик «будто почувствовал что-то». Порыв ветра разбросал ее длинные волосы, прижатая ткань обрисовала большую красивую фигуру. – Без голоса Альфалиэля жизнь становится невкусной. Здесь – шикарный ресторан, там – замызганная столовка.

– И опостылевшая готовка, – прибавила бойкая молодка. – Теперь, когда я столько узнала, люди вокруг меня стали малы и пресны, как хозяйственное мыло. И так же противны.

– Хватит болтать, – прервала статная деловая Полина. – Все за хворостом.

Собравшихся как ветром сдуло. Новенькая собралась упорхнуть вместе со всеми, Полина перехватила ее за руку:

– Катенька, останься. Для тебя сегодня особый день.

Чувствовалось, что Катеньке неприятно быть центром внимания, и вообще она чувствовала себя неуютно.

– Я хотела помочь...

– Справятся. Тебе надо подготовиться.

– Уже? – Катенька испуганно ойкнула.

– Не бойся. – Полина обняла ее за плечи. – Я тоже боялась, и зря. Альфалиэль – не явь, это сон, во исполнение мечты он становится явью. Альфалиэль – божественная благодать, которая вопреки логике снисходит на столь малых и ничтожных существ, коими являемся мы, люди, со своими куцыми мыслями и грезами.

Альфалиэль, повторил я про себя, поерзывая в ямке. Не Альфавильвиль. Ага. Теперь совсем непонятно.

– Альфалиэль всеобъемлющ. Это верх и низ, пустота и твердыня, душа и тело. Сейчас люди видят два пути, которыми можно следовать – восходящий и нисходящий, другими словами – духовный и телесный. Первый, как бы красиво ни выглядел и ни подавался, тоже ведет в никуда, он в упор не видит желаний плоти, отмахивается от чувств, как от мух, еще норовит прихлопнуть их, таких вредных и отвлекающих. Поиск истины и счастья в ином мире, восхождение к небесному через отказ от всего земного, вечная война со всем, что противоречит этим воззрениям, таков этот путь.

– Разве можно так жить – в сплошных отречениях и ограничениях? Тоска, правда?

Полина не согласилась:

– Для кого как. А второй путь, от самого основания – мирской, земной, чувственный, живой, он почитает множественное, а не единое. Отождествляет дух с чувственным миром.

– Звучит веселее, но как-то... паршивенько. – Катенька смущенно поежилась. – Тоже отталкивает. Словно коровья лепешка, покрытая шоколадной глазурью.

Ее кроткие глаза помутнели, на щеках проявились обаятельные ямочки. Пальцы тербли друг друга, не зная, к чему еще приспособиться.

Полина рассмеялась – так громко, что обернулись собиравшие хворост подружки.

– Альфалиэль, – сказала она, вновь став серьезной, – есть третий путь. Не восходящий и не нисходящий. Прямой. Горизонтальный. Он не выдергивает за шкуру из родной земли, как в баснях про барона Мюнхгаузена. И в шелухе убедительных слов не сливает в навоз под благовидным предлогом. Если все получится, ты почувствуешь это. Ты станешь иной уже сегодня. Сегодня – тот самый день, и очень скоро настанет тот самый час.

– Если все получится? – с упором на «если» тревожно повторила Катенька, вздрогнув в объятиях Полины.

Над ними чернел звездный атлас, кусты и окружающий лес напоминали узоры на стекле, изображенные в негативе. Безветрие делало их мертвыми и страшными.

– Ритуал вызывания пока несовершенен. Слишком много составляющих.

– Полнолуние, время от полуночи до зари... – начала перечислять Катенька.

– Да.

– Что еще?

– Коллективное взывание. Сквозьпространственные круги. Энергетический посыл. Живой огонь снаружи и внутри, в телах и душах. Именно так – и в душах, и в телах.

Катенька сосредоточенно ждала продолжения. Невысокая, ладненькая, она просто растворилась на фоне старшей подруги. Впрочем, подруги ли? Скажем так: наставницы.

– Еще? Да мало ли. Даже погода. Или случайный свидетель.

И снова взгляд – суровый и жуткий – в мою сторону. Спина похолодела, я вжался в землю по самые уши.

– Уже бывало? – спросила Катенька.

– Свидетель? Откуда здесь? Место выбрано с умом. Но чего в жизни не бывает...

И снова ее глаза интуитивно прошлись по кустам, где я прятался. Словно по коже. Льдом. Или включенным утюгом. Одновременно. Глубоко. С разных сторон.

На поляне поочередно появлялись девушки, раскладывая принесенные дрова и хворост по старым угольям. Полное ночное светило достаточно обливало светом окрестности, чтобы я видел все как на ладони. Кроны сосен мрачными зонтами скрывали собирательниц в своей тени, охраняя поляну от непрошенных гостей как сказочные великаны. Но одного, к счастью, проморгали, и он сидел как мышь, не шевелясь, боясь вздохнуть и, тем более, кашлянуть. А как назло, очень хотелось.

Я сдержался. Чудом. Очередным в моей жизни. Кажется, я начинаю к ним привыкать.

– Давай готовиться, – произнесла Полина более строго.

Мимо прошествовала Санька, она тащила вязанку выше себя ростом и недовольно качала головой.

– А что Настасья упомянула про шансы? – Ясные глаза Катеньки уставились на наставницу.

Полина вздрогнула.

– Когда?

– При встрече, когда меня увидела. Что «наши ряды и шансы растут». О рядах козе понятно, а шансы?

На поляну вернулись последние из дровоносиц, теперь все нетерпеливо поглядывали на стоявшую парочку. Полина отодвинула от себя неофитку.

– Я говорила, что в свое время тоже боялась, – донесся едва различимый для моего уха голос. – Я была как ты, одна из всех, потому что другие не такие. И не были, когда пришли к нам.

– Еще одна составляющая? – догадалась Катенька.

– Думаю, одна из основных. Ну что, ты готова?

– Не знаю.

– Спасибо за честность, но дальше ждать нельзя, время идет.

Шесть белых балахонов замкнули кольцо вокруг новенькой. Полина встала в общий круг.

– Руки! – грянул ее приказ.

Катенька вздернула свои, а четырнадцать других когтистыми щупальцами потянулись к ней, к ее дрожащему телу. Прикоснулись. Огладили. И не причинили никакого вреда. Фигуры заколыхались, словно подул ветер. Неисчислимые пальцы одновременно взяли за ткань, и жертва Альфалиэлю освободилась от просторного одеяния.

Окружающие фигуры расступились и встали по бокам в две колонны, которые открыли новообращенной путь к реке. Будь я неведомым Альфалиэлем (даже если это не существо, а состояние, нирвана, нечто необъяснимое, но реально существующее) – снизошел бы немедленно. Не зря ночные ритуальщицы выбрали именно Катеньку, ох, не зря. Старшая сестрица младшей по красоте в подметки не годилась, и никто из остальных – ни грустная пышечка, старательно державшая голову, чтобы никто не заметил намечавшегося двойного подбородка, ни похожая на необъезженную кобылку крепкая молодка, ни костлявая брюнетка, ни даже сочная Санька, красочно оттопыривавшая филейную часть во избежание провисания пузика...

Наверное, я придираюсь, но все познается в сравнении. Недостатков не видит только влюбленный, а я им не был, причем давненько. Потому не оценил и продемонстрированных при недавнем прибытии по воде Настениных прелестей, слишком явных и посему чересчур хищных. Вот только Полина... Да, Полина. Полина – это Катенька через три-четыре года. Хотя, наверное, больше. Сколько лет ей можно дать на вид: двадцать два? Двадцать четыре? Или меньше, а излишняя строгость – от характера?

Но я отвлекся. На роскошной жертве (а как ее назвать иначе? не наживкой же) оставалась только тонкая ниточка трусиков. Из них ее столь же быстро вынули, как булку из пакета. В двенадцать рук под надзором Полины Катеньку подняли и понесли вниз по склону. Понесли

как величайшую драгоценность. Как нечто, от чего напрямую зависят общие мысли и жизни. И счастье.

Луна и густо высыпавшие звезды отмывали загрязненный чернотой мир до мерцающего синего блеска. Белые пятна жриц и не менее белое (от подсвеченной кожи и невероятного страха) пятнышко маленькой жертвы приблизились к воде. Не останавливаясь, множество ног одновременно ступило в обдавшую ночной прохладой стихию. Шаг, еще шаг. Нижние части балахонов намокли. Еще шаг. Еще. Намокло все. Остались только головы и руки. И Катенька.

Руки бережно опустились.

Приглушенно взвизгнувшая жертва булькнула захлебнувшимся ртом и быстро вынырнула. Ноги достали дна, она встала, вероятно – на цыпочки. Иначе глубина не позволяла. Скрытая по шейку в лунном отражении, Катенька стала еще одним светилом в темноте ночи. При виде сверху часть, оказавшаяся ниже ватерлинии – от плеч с разметавшимися по ним прядями – сияла мертвенной белизной. Под толщей воды белели взрывающиеся галактики, в каждой из которых будто зажгли по лампочке. Их свет манил и бил по глазам случайных, гм, зрителей, прибывая к себе, как гвоздями. О, Альфалиэль, что бы ты из себя ни являл, чем бы ни был, я преклоняюсь перед твоими поклонницами! Найти и сагитировать на непонятную авантюру такое чудо...

Руки Полины возделись ввысь, она провозгласила:

– Альфалиэль, всеобъемлющий и вездесущий! Прими дар счастливых сестер твоих! Напейся посвященной тебе кровью новой жизни! Возьми то единственное, чем можем мы, смиренные и послушные, одарить бесконечно могущественного! Альфалиэль! Будь с нами в восторге и печали, раздели счастье, помоги в горести! Утешь страждущего, накорми голодного, спаси умирающего! Альфалиэль, родной и непознаваемый, далекий и близкий, всеильный и всевидящий! Альфалиэль, чудесный и невозможный! Мы здесь! Мы – твои сестры, твои жены, твои рабыни...

– Ах, сучки! – раздалось поперек торжественного благолепия.

Воздух взрезал звук, похожий на свист кнута, из леса выскочила цепь парней с хворостинами в руках.

Визг. Вопли. Шум-гам-тарарам.

– Паскуды! Вот вы где!

– Настюха, медь твою через коромысло! Ноги в руки, и ко мне, паршивка! Живо!

– Аська, шалава!

– Санька, а ну, подь сюды! Оглохла, что ль?

– Потаскухи! Ату их!

– Стой, говорю!

– Вот я сейчас тебе по заднице!

– Ку-у-уда?!

– Ааа! Иии! Ууууу!!!

Брызги. Вой. Улюлюканье. Спрыгнувшая к воде погоня осталась с носом – восьмерка искательниц ночных приключений вплавь удалялась от берега, в скорости посрамляя мировых чемпионов. Еще бы. На их месте я бы еще и не так. А то и больше.

– К лодке скорей! – неслись сверху мужские голоса. – Там перехватим!

Топот. Плеск. Крики, с каждой секундой отдалявшиеся и затихавшие.

Тишина.

Ни жив, ни мертв, я сидел в своих кустах, тупо глядя на машинально выставленный перед собой нож. Перед глазами вторично прокручивалось увиденное. Трех из нападавших я узнал. Там были двое, которые угрохали парня. И там был Игореха.

Вспомнился странный огонь в его глазах, когда я поведал про полнолуние и выдал место.

Глава 5

Прошел еще месяц, лето заканчивалось. Адвокат передал, что дела идут, но высываться рано.

– Представляешь, нашли твою малолетку, – при новой встрече передал Игореха последние новости. – Я всех знакомых для этого на уши поднял. Какие люди вмешались! Во всех структурах.

Вот тебе и деревенский парень. Водила. Ну-ну.

– Девчонку нашли, запугана до чертиков, ни в какие суды не пойдет.

Мы снова сидели у едва тлеющего костерка, я заваривал чай. Пахло зверобоем, август звенел мошкаркой и не догадывался, что умирает, хотя все признаки налицо: зелень желтела и чернела, земля превратилась в кладбище лесной одежды и при ходьбе потрескивала мумиями листьев. Ночами подмораживало.

– Как же нашли-то? – не выдержал я. – Ни описания, ни фоторобота... Сусанна одумалась?

– Куда там... – криво протянул Игореха. – Они с папашей всех собак на тебя повесили, за что было и за что не было, за последнее – особенно. Все записи с камер наблюдений подтертыми оказались – и подъездная, и уличная, и стояночная.

– Тогда как же?

Приятель гордо выпрямился:

– Консьерж еще одну камеру поставил. От Задольского и полиции он запись утаил, от меня не смог.

Я решил не спрашивать почему. Если консьерж втихую собирал на кого-то компромат или работал на некие параллельные структуры... Понятно, что нашелся способ его прищучить. Хорошо бы, не приветом из девяностых.

Я спросил о другом.

– Как девушка у Вадима оказалась?

Игореха хитро улыбнулся:

– Сама никогда не сказала бы, но мои парни такие таланты проявили...

– Твои парни?

– Из клуба. Помнишь, я рассказывал, что раньше ногами махал не хуже всяких Джеки Чанов. И сейчас по старой памяти иногда захаживаю. Друзей не забываю. И они меня не забывают.

Я не помнил, но промолчал.

– Они эту девку под защиту взяли. В суд она, как твердо сказала, не пойдет, но нам все рассказала.

– И? – не выдержал я.

– Она домой шла, когда к обочине подъехал твой боров на джипе с глухой тонировкой по кругу. Она – в сторону, а из приотворившейся дверцы джипа щеночек выскакивает – махонький... Тявкает весело и жалобно. И вдаль несется, прямо к проезжей части. Какое девичье сердце устоит, чтоб не помочь – поймать и вернуть хозяину? А тот по кумполу твою девицу, и ходу.

Помолчали. Игореха встал, собираясь уходить. Я тихо выдал:

– Выходит, не зря я его?..

Не хотелось считать себя убийцей, пусть даже убийство было непредумышленным. Другое дело – избавить мир от несусветного мерзавца, от чудища в человеческом обличье. Камень на душе сразу сжался, обернутый шагреневой кожей самоуспокоения. Из неподъемной горы он превратился в булыжник, которым разве что ногу отдавить. Да, сказано «не убий», но еще

раньше в том же тексте провозглашено «око за око». Жирный подонок собирался меня убить, а я успел первым. Под какую заповедь подпадает самозащита и действия в состоянии аффекта?

Игореха усмехнулся:

– Не зря? В смысле, что сволочь такую? Ясно, тоже шеночка жаль. Спрошу так: а был ли шеночек? Адвокат просил не торопиться с выводами. Жаль, что нельзя заслушать версию второй стороны.

Второй стороны?! А мне не жаль. Как говорил известный киногерой «На его месте должен был быть я».

– Зачем девчонке врать?

Игореха удивился:

– Когда прижали к стенке, многие врут. Если бы не ввали, ты бы здесь не отсиживался. Не поспоришь. К тому же память, поскрипев, кое-что выдала.

«Я не думала...», говорила тогда девчонка Вадиму, на что он резонно ответил: «А надо было. Думать, знаешь ли, вообще полезно». – «Я же только...» – «Продинамить хотела?..»

Соглашусь, с учетом того разговора шеночек выглядит не так убедительно.

Игореха вынул из кармана и протянул мне мобильный телефон:

– Для экстренной связи. Зарегистрирован на одного из наших, запрядьевских. Если что...

– Например?

– Ну... Костры там опять посреди ночи... Знаешь ведь, лесной пожар – не шутка.

– Да. Пожар. Понимаю.

Перед глазами – парни с хворостинами. Ярость на лицах. На языке и в жестах – желание содрать кожу и поджаривать на вертеле, откусывая помаленьку. Среди них – Игореха, явно не посторонний на том «празднике жизни». Интересно узнать, которая из ночных жриц свила гнездышко в непробиваемом сердце приятеля. Я следил за ним тогда: никаких имен он не выкрикивал, ни за кем конкретно не гнался. Словно за компанию пришел. Но нет, не все так просто.

– Подзаряжать аппарат пока негде, включай в крайних случаях, когда что-то срочное сообщить.

– Ага. Когда сообщить. Ясно.

Поднятый прут. «Вот вы где!» Разинутый в гневе рот. «А ну, стой!»

Не Аська, не Настюха, не Санька, тех поименно другие прижучили. Кто же?

Может быть, не зазноба, а сестра? Для правильного парня тоже не подарок.

– К следующему разу постараюсь механическую зарядку раздобыть, – уверил Игореха, – вроде велосипеда-генератора. Или хотя бы ручную. В твоей ситуации нельзя зависеть от случайностей.

На прощание он посоветовал готовиться к зиме, запастись дровами, но так, чтоб со стороны не было заметно.

Я стал готовиться. Кроме необходимых работ продолжались тренировки с ножом и луком. Оставшееся свободное время уделялось разборкам с подобранным медальоном.

Для начала его опробовал мой зуб. Ничего. Ни отметины, ни заусеницы. Вообще ничего. Тогда я снял вещицу с нитки и решил расплавить в ложке на углях, как свинец, хотя это явно не свинец. И не олово.

Не расплавилось. Тогда я ударил по нему молотком, первый раз – осторожно, второй – сильнее и, наконец, от вспыхнувшей злости врезал со всей дури. Опять никакого эффекта. Вообще. Ни вмятинки, ни зазубринки. На нем. А на молотке – да.

Вот так медальон. Но чем-то он ценен, кроме алмазной твердости при неказистом виде, если парнишка его пуще жизни берег. И от чего-то спасал. Или – для чего-то? Несомненно, ценность имеется, но в чем она состоит? Весло имеет смысл при наличии лодки, а, скажем,

умирающий от жажды отдаст последнее за глоток воды и проигнорирует дорогущий абсент, даже если воду, предлагаемую одновременно, оценить дороже.

А если, к примеру, это незатейливое украшеньице – всего-навсего подарок любимой бабушки? Ну, пусть девушки – обычная сентиментальная вещица, память о каком-то событии. Мне довелось бывать в усадьбе Пушкина под Псковом, там поразило, что великий поэт хранил и почти боготворил булыжник, о который споткнулись ножки «гения чистой красоты» – Анны «Петра творенья» Керн. Боюсь, вся значимость моей находки заключается в чем-то подобном. Я снова насадил медальон на нить, он занял прежнее место на шее. Пусть болтается. Авось, какую шальную пулю отведет, тьфу-тьфу-тьфу.

Наступил сентябрь. День, с которого я начал рассказ, настал.

На том самом дубу я второй час томился в засидке с луком в ожидании возможного кабана. Вокруг сонно кружили неизменные лесные комары, не собиравшиеся сдаваться осени. Бабье лето сдвинуло календарь на второй план. Рассвет только-только вступил в права, окружающий мир расплывчато клубился, постепенно обретая резкость. Кабаны нагло игнорировали меня и ходили другими тропами, зато к кострищу на месте бывшего ночного «веселья», после которого вновь миновал месяц, вышло одинокое нечто.

Я глянул вверх. Облака плотно затягивали небо, но, судя по всему, именно сегодня должно наступить очередное полнолуние.

Полуреальная фигура в белотканном одеянии медленно брела по поляне. Как привидение. Между тем, сегодняшнее привидение я уже знал по имени. Полина. Она всматривалась в окружающий мир с тоской и напряжением, будто искала какие-то подсказки на невысказанные вопросы. Следя за ней взглядом, я вытянул шею, поскольку мой дуб был в лесной части пригорка, а Полина двигалась к открытой поляне на берегу. Той самой. Видимость стала отвратительной. Когда ночная странница отошла достаточно далеко, я отложил лук, сместился немного и развел ветви руками. Пусть с легкой штриховкой от других ветвей, до которых не добраться, но видно стало намного лучше.

Оказавшись в центре костровых окружностей, Полина опустилась на землю. Кажется, она что-то говорила. Вслух, в никуда. На этот раз я был далеко, отсюда не слышно. Через пару минут белая фигура избавилась от одежды, босые ноги заняли место в центре круга, и к хмурым клубящимся небесам вскинулись лицо и руки.

Я любовался и при этом ежился, кожа пошла мурашками. Не май месяц, однако.

Полине было все равно. Кажется, холод не проникал в ее сознание, он был несущественным фактором, он отвлекал от главного. Обнаженная и маняще-недоступная, Полина была царицей ночи, чарующим призраком, волшебным наваждением, рожденным в смутной синеве дремлющей природы. Ночной дух лесов и вод, она пришла смутить сердце некто-попавшего в дремучие дебри путника. Сковать цепями наведенных чар податливый разум, изголодавшийся по зрелищам и событиям...

Кажется, я понял Пушкина. «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье...» Заглядевшись, я еще подался вперед и рухнул. Кубарем покатился под горку, потом меня словно токомшибануло... и вот я здесь, в слушающемся мысленных команд пятом измерении, где все шевелится и живет своей жизнью.

– Кто здесь? – повторила озирающаяся Полина.

На ней снова был белый балахон, босые ноги прощупывали почву перед собой и мягко наступали, стараясь не хрустнуть веткой и ничем не нарушить покой просыпавшегося леса. И как ей не холодно?

Я ждал. Наверное, так ощущает себя рыба в аквариуме: вокруг что-то происходит, появляются и исчезают люди, а она, слившаяся с интерьером, глядит из-за стекла на чужую жизнь, частью которой как бы не является. Она сама по себе – пока не придет время кормежки. Или пока аквариум не разобьют.

На поляне Полина никого не нашла и вновь отправилась за пригорок. Мне же не терпелось разобраться где я, что это и как оно работает. А еще – как употребить его для собственной пользы.

Итак, оно явно не от мира сего, оно меня слушается, и оно многое умеет. Что именно умеет? Разберемся. Если дадут разобраться. У такой штуки должны быть хозяева, и что-то подсказывало, что ближайшие часы я проведу незабываемо. Передо мной вряд ли дело рук человеческих, если судить по виду и возможностям. Нечеловеческое я мог представить в двух видах – как мистику и как фантастику. Без разницы, что окажется правдой, в обоих случаях мне не поздоровится. Ввалился без спросу. Возможно, где-то наследил или что-то случайно испортил. Чуждый менталитет – потемки. Насколько чуждый – даже подумать страшно. Достаточно вокруг посмотреть.

Как определить место, куда я попал? Изделие далеких инопланетных цивилизаций. Корабль-капсула пришельца из параллельного мира. Сохранившийся реликт древних рас. Творение других обитателей нашей планеты, о которых люди не в курсе. Машина времени, которую гость из будущего оставил без присмотра. Или убежище демона, вызванного неким чародеем, существование которых (обоих) до сих пор считалось детскими сказками. Как бы то ни было, современная наука создать такое не в состоянии. А это значит...

Первый контакт! Я – избранный! Произошло величайшее событие, и с этой минуты жизнь человечества пойдет по другому пути.

Не факт. С учетом, что я вломился без приглашения, другой путь может оказаться тупиком, если не чем-то похуже.

Или приглашение было? Что-то же впустило меня внутрь.

И что же я сделал? Раскомандовался. Если бы кто-то так же вел себя в моем доме, ему, обещаю, не поздоровилось бы. Переворачиваем ситуацию, и выходит, что в скором времени мне предстоит получить люлей от черта или от космического пришельца. Или кто тут окажется хозяином этой штуковины.

Кстати, о хозяине или хозяевах.

– Здрасьте, – громко сказал я.

Никто не откликнулся. То ли нашего языка не понимают, что странно при таком уровне технологий, то ли по натуре невежливые. Обидно, если второе. А ведь явно не первое – мысли даже их техника читает, а на прямое приветствие они, видите ли, не реагируют.

Или высказанная фраза для их сознания звучит некорректно. Вдруг желать здоровья столь коряво – это для их традиций как бы наоборот?!

– Простите, если случайно обидел, мне очень неловко, что так получилось, и, если разобраться, я вообще здесь не по своей воле. Уверяю в своей дружелюбии, ничего против вас не имею, кем бы вы ни были и как бы ни выглядели. Эй, ау! Я с вами разговариваю!

Опять тишина. Тогда я задал конкретный вопрос, который, как мне показалось, нельзя истолковать двояко:

– Есть тут кто живой?

И снова тишина. И – никого. Только стенки, как уже упоминалось, шевелятся. Живых организмов, как они мне представлялись, здесь, видимо, не было, но само помещение казалось живым. Возможные хозяева, похоже, в отъезде, временном или постоянном (как же хочется надеяться на последнее!). Думаю, на правах заместителя пришельца, по какому-то стечению обстоятельств допущенному в святая святых, можно перейти к детальному осмотру – вверенное мне имущество приказам подчиняется, значит приняло за хозяина. Этим стоит воспользоваться.

«Убери окна», – приказал я.

Они убрались. Точнее, затаились. Меня окутало тесноватое пространство в зеленовато-коричневых тонах. Как бы пародия на человеческое жилище. Я находился в миниатюр-

ном холле. Из пола торчал непонятный нарост размером с большую табуретку, напоминавший криво спиленный пенек. Непропорциональные стенки в скругленных поверхностях имели замысловатый вид, в них было три выемки разного размера – назовем их, для порядка, комнатами. Впрочем, что это за комнаты, если в двух вертикальных едва поместишься стоя, как в лифтах эконом-класса, а третья – их совместный по величине горизонтальный аналог, расположенный на среднем уровне. Не комнаты, а, скорее, камеры – две стоячие и одна лежащая. Собственно, все.

Я пристальнее изучил последнюю из камер-выемок. Она поперечно вдавалась в ту часть стены, что не открывалась в виде окон. Похоже на встроенный сейф без дверцы. В ней великаны могли бы хранить пачки денег размером с наволочку, если не с простыню. Кстати, выемка вполне годилась, чтобы влезть и в полный рост растянуться, а после бессонной ночи вздремнуть не мешало. Заодно не мешало перекусить.

Это необходимо протестировать. Бурый вырост по центру «комнаты» оказался теплым и мягким. Не возражая быть использованным в роли стула, он подставил свой горб под мое седалище, и я объявил с предвкушаемым удовольствием:

– Хочу есть!

Сначала ничего не произошло. Я даже решил, что не сработало. Сработало. Но как! Из стены выросли и потянулись ко мне склизкие щупальца, ветвистые и пористые. Брр.

– Стой! Не хочу! Совсем не хочу!

Сердце исполнило тушь в обратном порядке и остановилось. Щупальца поколыхались в воздухе еще несколько мгновений, после чего их втянуло обратно в стену.

Еда или угроза? Повторить духу не хватило. Как-нибудь потом. Пока попробую что-нибудь проще. То, что безопаснее.

– Пить! – приказал я, решив для порядка проверить и эту возможность.

В стене образовалась ямка, ее заполнила прозрачная жидкость. Я нагнулся, приюхиваясь. Запаха нет, похоже на воду. Довериться? Если до сих пор Оно (в детали этого пришедшего в голову термина я пока не вдавался) меня не убило, то зачем делать убивать теперь, да еще столь изощренным способом?

Желая зачерпнуть, я протянул руку... и чуть не свалился со своего пенькообразного «стула»: ямка с водой вылезла из стены и отделилась, преобразовавшись в подобие стакана. Тепловатый и волглый, он лег в ладонь как влитой. Я отпил. Вода. Чистейшая, без цвета, вкуса и запаха. Нет, вкус был – настоящий родниковый, живой. Кажется, жить можно. К тому же, если те щупальца – со вкусом колбасы...

Колбаса – дело второе, в мечтах давно витал иной продукт.

– Хочу хлеба!

Ничего не произошло. Даже через минуту. И через две. Ждать больше не имело смысла.

Попробую более детально. В уме как можно отчетливее нарисовалась горячая буханка, я покрутил ее перед мысленным взором, представив хрустящую корочку со всех сторон. Сдобный мякиш практически чувствовался на языке.

– Хлеба! – ушел в пространство повторенный приказ.

Эффект тот же, то есть нулевой. Выполняются только стандартизированные команды, чей полный список я с удовольствием бы проштудировал. А где ж его взять?

Пока обойдемся «методом научного тыка».

– Спать хочу!

Выемка, к которой я уже присматривался на предмет прилечь, приглашающе осветилась, ее кривые поверхности озарились мягким мерцанием, а у дальней стенки возник нарост, имитирующий подушку. Надо же, я, оказывается, угадал, это действительно спальня. Или спальней становится любое место, где хозяин или гость изволят прилечь? Кстати, хороший вопрос:

в каком качестве рассматривают меня? Главное, что не пленником. Украсть и увезти меня на чужую планету никто не пытается, экспериментов тоже пока не проводят.

Пока?!

Нет, думаю, не проведут – тех опытов, о которых судачит желтая пресса. Чтобы примитивно вскрыть и посмотреть, как я устроен, не требовалось размещать меня здесь со всеми удобствами. О прочем, о чем с гордостью рассказывают контактеры, «похищенные» иными расами, остается только мечтать: если симпатичная пришелица решит узнать, каковы в постели гомо сапиенсы, думаю, я не разочарую. Тренировки с Сусанной не прошли даром, и за время, проведенное в одиночестве на природе, я настолько по таким делам соскучился, что готов активно пококетничать с инопланетянкой в интимной обстановке. Благо, все условия уже созданы: теплый полумрак, мерцающая кровать...

А вдруг экспериментаторша только и ждет, когда я лягу? Ну... лишь бы гуманоидом оказалась, и чтобы обводы пофигуристее. Дальше все будет просто: не понравится мне она – у меня ничего не получится, прямая взаимосвязь. Поэтому в ее интересах подобрать себе внешность, чтобы «эксперимент» удался. Не думаю, что силы, которые создали окружавшее меня чудо, не умеют меняться под нужные условия.

Сказал «создали»? Возможно, не создали, а вырастили – не зря же внутри все такое непостоянное, видоизменяющееся в зависимости от приказов хозяина.

А что делает человека... или нечеловека хозяином? Право владения. Владелец может наделить кого-то правом пользования. За неимением других хозяев, получается, что хозяин – я, ибо пользуюсь. По-моему, логично.

В потустороннем помещении, в котором я очутился, имелись еще две пустых выемки размером с кладовку, одна побольше, другая поменьше. Любопытно, для чего служат они? Если не выяснится иное предназначение, пусть остаются кладовками. В целом местечко мне понравилось. Не мешает перетащить сюда барахло и расположиться со всеми удобствами. Завтра же сделаю это. Точнее, сегодня, если посмотреть на часы. Но не сейчас. Выбежав на воздух по природной надобности, я заодно прихватил рюкзачок и лук со стрелами – они все еще оставались на дубе после моего неспециального ухода.

С чувствами выполненного долга и глубочайшего удовлетворения я вернулся в подпространственную хижину, которую отныне, до жесткого предъявления прав истинными хозяевами, считал своей. Ботинки полетели в сторону, я влез на чудесный мягкий помост (или как его еще назвать) и блаженно вытянулся. Заинтересованная в «контакте» инопланетяночка, к сожалению, не явилась, и сны сменили явь уже через секунду.

Не знаю, снилось ли что-то. Первое, что вспомнилось по пробуждении – детская сказка про Машу и медведей. «Кто-о спа-ал на моей постели?!»

Я вскочил и бешено огляделся. За время отсутствия меня как личности ничего не изменилось. Наручные часы показали, что организм выключался почти на двенадцать часов. Неплохо. Так спалось только после бессонных суток на учениях. Вот что значит оказаться в безопасности.

В безопасности? Это бабка надвое сказала. По отношению к внешнему миру и прежним проблемам – да. А чем грозит захват чужой собственности? Вопрос насущный, но от творения рук нечеловеческих угрозы не ощущалось. Наоборот. Хижина слушалась меня, защищала, старалась угодить. Иными словами, воспринимала полноценным хозяином. Открывшаяся панорама продемонстрировала окрестности, где по-прежнему гулял ветерок, неслись облака, недовольно шумели деревья. Выбравшись «на улицу» размяться, заодно я решил сбегать в землянку за оставшимися вещами.

В землянке все было по-прежнему. Через несколько минут кострище, где я обычно готовил еду, ожило, пламя принялось лизать закопченное дно котелка с водой.

Имущества у меня набралось на три рейса. Неплохо же в лесу разжился. Спасибо сослуживцу.

Кстати, о птичках. Я написал записку: «За меня не беспокойся, ушел по делам. Некоторое время поживу в другом месте. Все вещи – со мной, отдам позже, когда вернусь сюда».

Пока вода грелась, я совершил две ходки с переправкой через реку на самодельном плотике. По пути ничего не утонуло, хотя порою вещи и припасы проявляли непозволительное своеволие. Я свалил все в большой кладовке Хижина (буду пока называть ее так, именно с большой буквы) и вернулся к огню. Вода кипела. Разбавив ее холодной, я разделся догола и с удовольствием помылся. Можно начинать новую жизнь.

Торжественное настроение, в котором я прибыл обратно к Хижине, не покидало, воображение рисовало радужные перспективы. Подпустив в голос хозяйскую нотку, я возвестил:
– Откройся!

В мечтах я уже лежал на удобной, хотя и непривычной пористо-гладкой (не спрашивайте, как это возможно) кровати, наслаждаясь теплом и любуясь внешней прохладой сквозь панорамные «окна».

Хижина не отворилась.

Глава 6

Я снова сидел в землянке, без еды, с жалким остатком вещей, хмурый и злой. Даже спичек не было. И телефона. Все – там, в проклятой Хижине, гром ее разрази, ловушку для лесных недоумков. Все сгнуло в потустороннем мире, портал надежно захлопнулся. Здесь у меня остались одежда, нож, удочки, котелок, ведро и мыло. Робинзон, дубль два.

Мечтал жить по-новому? Получите.

Факт, что я остался без спичек, бросил меня к кострищу – раздувать прогоревшие угли. Упс. Видимо, я слишком долго ругался с неотворявшейся Хижиной. Ни одной искры не вспыхнуло, а недавнее мытье пошло прахом – лицо и волосы покрылись слоем пепла, сделав меня похожим на коренного жителя ада, какими их изображают старинные иллюстрации.

Весь на нервах я отправился на рыбалку – совместить три дела. Рыбы наловить (хотя, говоря по правде, на фига она мне, если спичек нет?), понаблюдать за исчезнувшим порталом, не так давно носившим теплое имя Хижины, и просто посидеть, подумать. Последнее было наиважнейшим.

Если хватит сил, помыться можно в речке. Жаль, что потом согреться не получится. Отложим, пока не припрет.

Рыбка не ловилась. Мысли не думались. Только ругалось хорошо – долго и многоуровнево. К сожалению, это было неконструктивно и к исправлению ситуации не располагало. Даже к ее пониманию. С трудом прекратив крыть последними словами себя и создавшую меня природу, я принялся задавать вопросы. Куда сгнули мои вещи? Вообще, что это было, дьявол его подери и покроши на мелкие полосочки? Я ведь понятия не имею, что это за штука. Но как же было здорово ощущать себя ее хозяином. «Пить хочу!» – и тебе питье... «Спать хочу!» – и кровать...

Лампа Аладдина, безвозвратно утраченная. Выпущенная из рук Емелина шука. Золотая рыбка, выполнившая три желания и махнувшая на прощание хвостиком.

Теперь не важно. Неизвестная штука, будь она трижды сказочной и четырежды инопланетной, сгнула вместе с моими вещами. Поблагодарю судьбу, что не со мной.

А любопытно, куда забросили бы меня обстоятельства. С кем познакомили бы. Чему научили.

Хватит сослагательного наклонения, нужно смириться, что я потерял Хижину. Допускаю, что вернулись загулявшие хозяева и провалились через подпространство в свои галактические тьмутаракани. Но если так, если они откуда-то вернулись в Хижину... то откуда? Что они в наших лесах забыли? И еще одно: мудрый хозяин не оставит ценную вещь без присмотра. Тем более, никто не даст штуковине, на которой прибыл в другой мир и, соответственно, собирался вернуться обратно, подчиняться аборигенам.

Опять же – мои вещи внутри. Тот, кто забрал Хижину, должен увидеть, что в ней обосновался новый житель. Неужели нельзя было чужое вернуть? Еще я был бы не против, чтобы нечеловеческие существа поизучали меня, скажем, на предмет разумности. Ради знакомства с иным разумом я на многое пойду. Только непохожа их разумность на нашу, если допускают логические ляпы вроде передачи власти постороннему, пусть даже на время.

В таком случае, Хижина могла быть обычным автоматическим зондом. Сделала свое дело и растворилась в небытие, теперь ищи-свищи ее в другом времени-пространстве. Узнать бы, какое такое дело у нее здесь было и куда она с результатами отправилась.

Кстати, а кто сказал, что Хижина куда-то отбыла? Может, она опять затаилась, и нужно очередное волшебное слово произнести? Я превратил бесплодную ловлю и вновь переправился на плотике к исчезнувшему portalу.

– Откройся! Оупен! – говорил, молил, требовал я и даже ругался, пробуя все, что мог придумать. – Сим-сим, муть твою через плечо и едондер через коромысло! Родненькая, миленькая, ну пожалуйста, смилуйся, приоткрой дверчку...

Фигушки. Штука исчезла со всем моим скарбом окончательно. Я пересек речку обратно на свою сторону и на прощание еще раз окинул взором бывшее пристанище чуждой цивилизации. Порыв ветра нес сухую листву, и взгляд, помнивший, где искать возможную преграду, увидел ее – слегка колыхавшийся в воздухе прозрачный овал, вроде бы пропускающий листья... а вроде и нет.

Не овал, а горизонтально лежащий эллипс. Значит, не зря летающие тарелки дисками изображают? Кто-то их уже видел и, возможно, пользовался?

Не менее шести метров в длину, около трех в высоту. Ни за что не заметить, если не знать что и где искать. Помещения внутри чудо-диска от одной гнутой стенки до другой составляли примерно четыре, максимум пять метров, значит здесь явно не четвертое измерение. Наше оно, родное, только замаскированное. Камуфляж – высший класс. Ощущение создавалось, что листва действительно летела сквозь – если, повторяю, не знать о том, что ищешь.

Я вновь переправился к обнаружившейся находке. Вот же она. Можно пощупать, можно обойти, только внутрь почему-то нельзя попасть. Ни одно из вновь повторенных заклинаний не сработало. Не солоно хлебавши, я раздраженно запустил в некоммуникабельное НЛО прибрежным голышом.

Полная иллюзия, что тот пролетел насквозь и грохнулся на землю с другой стороны. Или не иллюзия?

Я не поленился, обошел. Камень лежал там, где и должен. Пролетел сквозь?!

– Ага! – взбодрился я и, разогнавшись, попробовал повторить полет камня собой.

Прыжок вмял меня в преграду и отбросил назад.

– Что б тебя разорвало на мелкие кусочки! – вырвалось у меня при встрече копчика с почвой.

Стоп, ругаться нельзя. Мало ли, вдруг оно поймет буквально. Или, что еще хуже, поймет правильно и обидится. Я потер саднившую задницу и сменил тон:

– Прости, дорогуша, кретина неразумного. Здоровья тебе и долгих лет. И если слышишь, может, пустишь постояльца недавнего?

Нет.

Ладно. Подумаем еще. Пропускает только неживое? Будем экспериментировать. Жаль, что у меня нет ни лука для охоты, ни рыбы. Даже кузнечики свое отскакали.

Я залез снизу, как автомеханик под машину, и поволил рукой. Под замаскированным диском между его дном и травой была пустота. У меня волосы зашевелились. Так не бывает. Почва не примята, каждая травинка на своем месте, а прямо над всем этим – неизвестное нечто, которое не пропускает внутрь. Висит, как магнит над другим магнитом.

Осенила новая идея. Я зачерпнул воды и плеснул на незримую преграду. Точнее, внутрь нее.

Вот это эффекты, куда до них нашим компьютерным. Наши только изображают реальность, здесь вода по-настоящему оказалась внизу. Но не сразу. Хотя иллюзия полета капель, признаюсь, выполнялась на «отлично», не придраться. Круто. Как говорится, не верь глазам своим.

Взгляд упал на тяжелую заковыристую корягу. Я запустил ею в Нечто. Как и камень, она пронеслась насквозь и упала с другой стороны.

Пропускает только большие неживые предметы? Или настоящим хозяином выставлены именно такие настройки, и при желании их можно менять? Эх, знал бы я, когда оно меня слушалось.

Еще час возни с хужиной-невидимкой ничего не дал, она не поддалась ни на одну из моих провокаций. Нужно вернуться сюда завтра с новым снаряжением. Например, хотелось испытать нечеловеческую штуковину огнем.

А спичек-то...

Проблему номер один – огонь – нужно решить в первую очередь. Я отправился за спичками. Не в деревню, не дурак. Чужака заметят, возникнут вопросы. Надо идти к трассе.

Едва непролазная дремучесть перетекла в некое подобие проходимости, посреди охотничьей тропы обнаружился засевший в грязь внедорожник. Черный, массивный, грозный. И совершенно беспомощный. Из-под колес постреливали в сторону деревьев коричневые ошметки, насилуемый мотор огрызался. Водитель безуспешно пытался вызволить неуместного в живой природе стального мастодонта из лап матери-земли и препроводить к отчиму-асфальту.

В машине был только водитель. Ненамного старше меня, он выглядел совершенно дико в этой глуши – в белой сорочке, при галстукке, в некогда начищенных до блеска штиблетах. В таком виде – на джип-триал? Или что там еще понадобилось ему вне дорог и поселений. Ладно бы, если б на романтическое свидание на природу – к речке там или на пикничок, но некой особы, ради которой стоило лезть в дебри, в салоне не наблюдалось. Все населенные пункты, где могла жить зазноба, тоже остались позади, дальше сплошные леса. Такое ощущение, что мужик выбрал направление и поехал, пока дорога не кончится. Знаю, бывает такое настроение. Или он мог на спор в грязь полезть. Не буду гадать, лучше воспользуюсь подарком судьбы.

– Помочь? – осведомился я, выходя из леса.

Водитель смерил меня быстро угасшим взглядом. Ну да, не бугай из породы тяжеловозов, такая уж у меня конституция. Парень как парень: охотничий камуфляж, свитер, высокие гов... грязедавы. Пятнистая бандана прикрывала отросшую копну волос. Нос курносый, глаза серые. Судя по вторично поднятому и уже с другим выражением просканировавшему меня взору водителя, все это запечатлелось в его мозгу, как на фотографии. Наверное, в органах работает, именно там учат смотреть *так* – чтобы наизнанку выворачивало. И почему-то сразу чувствуешь себя виноватым.

– Чем здесь можешь? – Он проскрежетал зубами, покосился на навигатор и обреченно врезал кулаком по рулю. Тот со злобой твякнул в ответ. – И понижайку, и блокировки включил, без толку.

Похоже, с внедорожной техникой он не дружил. Я далеко не специалист и даже не любитель, но не назвал бы ситуацию безвыходной. Как бы глубоко машина не засела, спасение есть, и называется оно – лопата. Другое дело, что человек при галстукке и в остроносых штиблетах, который приобрел колесный танк стоимостью много миллионов, с собой обычно возит шампанское, а не вышеупомянутый инструмент.

– Недавно за рулем?

Мой вопрос вызвал лавину возмущения, которое быстро перетекло в оправдания:

– С восьми лет! Но! Я пятикратный чемпион по ралли! Я гонщик, а не дерьмолаз!

– Чего же влез в это корыто? – Я легонько пнул по засевшему колесу.

– Лучше платят. Не представляешь насколько. – Собеседник протянул мне руку. – Артем.

– Олег.

Рукопожатие скрепило знакомство.

– Вижу, ты в этом разбираешься, – в голосе Артема появилась надежда. – Что порекомендуешь?

Я обошел вокруг трех тонн железа, пластика, кожи и резины, на которые обиделась тракторная колея. Вручную не вытолкать, козе понятно. Была бы это легковушка или паркетник – без трактора не обойтись, но полноценный рамный внедорожник – танк на колесах!

– Электронных душителеей отключил? – Я припомнил подсмотренное и подслушанное на джиперских покатушках.

– Сразу как только увяз.

– Раньше надо было.

Артем развел руками.

Черный монстр не сидел на брюхе, что хорошо, но все четыре залепленные грязью гладких окружности (сейчас их стыдно называть колесами) вертелись на месте, как пропеллеры самолета. Резина забила глиной настолько, что превратилась в коричневые обмылки.

– Давление в шинах спускал? – продолжил я, чувствуя себя профессионалом по сравнению с попавшим не в свою тарелку горе-чемпионом.

Брови Артема освоили скалолазание:

– Колеса разбортируются.

Как говорил Козьма Прутков, узкий специалист подобен флюсу. Не хотелось, чтобы однажды такой Артем погнался за мной по ровной дороге, но сейчас я чувствовал себя королем.

– Спусти до одной атмосферы. Можно до ноль-восемь. При вращении грунтозацепы самоочистятся...

Лицо Артема посветлело:

– Пятно контакта увеличится, появится шанс. Если не засядем окончательно...

Проведя нехитрую операцию, он осторожно нажал на газ. Я подкидывал ветки под колеса, едва уклоняясь от периодических грязевых фонтанов. Дело пошло. Порычав и поругавшись, а также выпустив на волю заволокшую полнеба вонючую струю, огромный скунсогиппопотам выполз на твердую поверхность.

– Спасибо! – Артем махнул мне из-за приопущенного стекла.

Внедорожник аккуратно развернулся по всхлипывающей топи, жадно чавкавшей в надежде вернуть добычу.

– Не за что. Спичек не одолжишь? Мне с собой надо, хотя бы несколько.

– Зажигалка подойдет?

– Конечно, если не жалко.

Получив желаемое, я ответно помахал рукой, и меня вновь поглотили дебри. Правда, уши еще долго слышали мат Артема, крившего не везде присутствовавшую в этой «сраной провинции» сотовую связь.

Перед глазами снова пронесли события последних месяцев. Эх, Вадик, Вадик, зачем приперся домой не вовремя? Находился бы в рабочее время на рабочем месте и был жив-здоров, а девчонка не выдумывала бы про щеночков, Сусанна продолжала бы пользоваться моими услугами в качестве разгонщика скуки, а я...

Мысль оборвалась: у землянки меня ждал сюрприз. Толпа народа. Толпа не толпа, а несколько представителей исконно городского населения слонялись по местности, что-то высматривая и вынюхивая. Все, как на подбор, в черном, при галстуках и по размерам не меньше серванта с антресолями. Каждый. Целая секция мебельного магазина в гостях у предков. Имеются в виду окружающие дубы.

Заныло в районе души, и она мгновенно переместилась в нижние сферы. Не зря Артем так матерился.

А не приятели ли это утопшего? Они городские, и тот явно был городской.

– Где он, мать-перемать?! – гремел по лесу гнусавый командный голос. – Его телефон отключен. Ты же головой ручался!

Уже выучивший местность как свои две ноги и прочие пальцы, кружным путем я просочился по бурелому к чудесному местечку – видимость отсюда прямая, слышимость достаточная, и убежать, если понадобится, есть куда.

– Ручался, – слышался виноватый голос не видимого мне Игорехи. – А что я мог сделать? Механическую зарядку только вчера нашел, отдать не успел. Следить что ли?

– Значит, следить! Прежде, чем мне за него башку оторвут, я тебя псам скормлю, ты меня знаешь.

Выговорившись, гнусавый снизил тон до дружески-доверительного:

– Прости, накипело. Не представляешь, сколько на карту поставлено. Давай рассуждать логически. Куда он мог пойти? По работе к кому-то мог? Он же по линии загранпутешествий подрабатывал, а у тех, кто туризмом занимается, возможности невероятны. В какой стране его теперь искать?

– Не надо нигде искать, здесь он где-то, поблизости. Далеко не уйдет, да ему и не к кому идти, мы с ним об этом не раз говорили. Видите, он костер жег совсем недавно. Мылся. Ведро мокрое и мыльное. Вон его бирюлька на ветке висит.

Бирюлька – это снятый во время мытья медальон, забытый на ветке, когда мысли витали в облаках и других эмпиреях. Тот, что достался от утопшего парня. Который очень старался спасти его от противника. Вопрос: почему?

И тут меня словно метеоритом прикололо. Мозги инеем присыпало. А если медальон – ключ от двери в Хижину? С ним я право входа имел, без него – нет.

Тогда тот парень... Выходит, он тоже имел отношение к тарелке-невидимке? Знал, что к чему. Иначе не стал бы спасать медальон.

Стоп. Еще раз. Загадочный медальон принадлежал парню, которого угробили двое деревенских. Угробили не просто так, а за что-то конкретное. Узнать бы.

Кстати, их знает Игореха, они все вместе гоняли ночных плясуний. Вот ниточка, что приведет к разгадке. Но в сложившихся обстоятельствах...

Теперь бывший сослуживец – враг. Почему он предал меня?

Вопросы. Я обязательно найду на них ответы. Потом. А пока...

Ноги сами поволокли упирившийся разум в сторону землянки. Не в самое пекло, а за поленницу, где я мылся.

– Кирилл Кириллыч, Артем дозвонился! – раздался очередной голос. – Наш подопечный недавно у машины ошивался, спичек просил.

Кирилл Кириллович? По словам Игорехи – мой адвокат!

– И? – Гнусавый насторожился.

– Ушел обратно в лес.

– А Артем что? Сам задержать не мог?

– Говорит, что нанимался водителем. Каждому платят за свое.

– Я ему припомню. – Гнусавый, названный Кирилл Кириллычем, нехорошо выругался.

– Спичек у него как у Бога возможностей, – сообщил Игореха. – Я на год снабдил.

– Выходит, раскусил он нашу игру? – громко осведомился Кирилл Кириллович. – Что его насторожило? Может, ты сболтнул что-то?

– Да вы что? – открестился мой двуликий сослуживец, к которому, очевидно, был обращен вопрос. – Я его последняя надежда.

– Куда он может податься еще?

– Некуда ему, – с ноткой обрадовавшей меня печали пробубнил Игореха. – Здесь единственное убежище, где никому не взбрдет в голову его искать.

«Никому не взбрдет в голову его искать». Ну-ну.

– «Ушел по делам, – процитировал или зачитал вслух гнусавый голос. – Некоторое время поживу в другом месте». В другом!

– Да нету у него другого... – попытался доказать истину Игореха.

Кирилл Кириллович думал недолго.

– «Ушел по делам». Представляю, какие у него дела. Так, всем, отсюда цепью – в сторону машины. Если не найдется, потом к трассе. Прочесать все. Из-под земли достать.

Иностранцы для леса люди в черном ломанулись в чащу. Ломанулись – не преувеличение, именно так, в прямом смысле, только треск стоял. Одно слово – шкафы, хоть и люди. Только последний, самый хлипкий (размером всего с комод) замешкался, вернувшись к поленице за моей «бирюлькой».

Снова мои ноги соображали быстрее мозга. Несколько шагов-прыжков, и меня взметнуло на верхушку дровяной кучи, где подхваченной сверху увесистой чуркой я ударил в успевший выскочить из кобуры направляемый мне в грудь пистолет.

Грохот потряс лес. Пуля попала в чурку. Чурка – в грудь умного товарища. Прихватив медальон и выпавший из чужих рук пистолет, я бросился наутек.

Вектор треска позади меня резко сменился.

– Не стрелять! – вопил Кирилл Кириллович, радуя мне душу.

Погоня. Куда же без нее в наше нескучное время. То тебе что-то от кого-то надо, то кому-то от тебя. Первый прием карате – суметь убежать. Каратист из меня никудышный, но когда на кону жизнь... Теперь могу с гордостью заявить: эстафета по непроходимому лесу, то есть бег с препятствиями, где в качестве эстафетной палочки собственная шкура – мой конек. Хотя, возможно, дело в форе, которую на пересеченной местности лесной костюм даст любому классическому. Он и дал.

Раздался очередной грохот, сорвавший с деревьев птиц. Одновременно рядом со мной свистнуло, а впереди чмокнуло, осыпав корой вековой сосны. Трансформатор, именуемый сердечной мышцей, едва не перегорел от избыточного напряжения, но, к счастью, ноги продолжали думать за остальной организм. Справлялись неплохо.

– Живым! Живым, я сказал! – снова дал мне шанс родимый Кирилл Кириллович, отставший от остальных.

Новых выстрелов не последовало. Не покидало ощущение, что сзади на меня гонят стадо бизонов. Засевшее в бункер сознание подкидывало неаппетитные картинки, извещавшие о последствиях встречи в пункте «С» несущегося в точке «А» меня и быстро приближавшегося из точки «В» фыркающего галопирующего стада. Такая вот задачка со многими неизвестными в начале и плачевным результатом в конце.

Руки вспомнили про то, что сжимали. Спешно нацепив на грудь медальон, я передернул затвор трофейного пистолета, обернулся, и вся обойма унеслась в преследователей.

На секунду воцарилась непредставимая невыносимая тишина. А я бежал дальше.

– Чего встали, считать не умеете? – перешел на контральто Кирилл Кириллович.

Бизоны задним числом пересчитали выстрелы, погоня возобновилась.

Лес кончился. Кусты. Спуск. Речка. С отчетливым бульком закинув пистолет в воду, я кинулся ничком на поджидавший плотик. Гребки взбили ледяную пену, ноги намокли, а шум позади приближался со страшной скоростью.

Громко высказав все, что думают о моей ни к чему не причастной маме, пусть земля ей будет пухом, чернокостюнные гориллы скопом грохнулись в воду. От случившихся волн меня едва не снесло с плотика. Зато подтолкнуло к другому берегу. Спасибо, однако.

Кирилл Кириллович в реку не полез, Игореха вообще не появился на берегу, остальные гребли, проклиная неудобную одежду.

Выскочив на противоположный берег, я достиг Хижины и взвыл трясущейся душой, тербя в руке возвращенный дорогой ценой медальон:

– Откройся! Прошу! Умоляю!

Чудо свершилось, в воздухе образовался знакомый проем.

– Хозяин не вернулся? Тогда я буду за хозяина. Закройся! Сделай невидимым и неслышимым, не дай им на нас наткнуться! Открой панораму! – выпалил я, мешком валясь внутрь.

Грудь вздувалась, ноги подкашивались, я практически рухнул в настенную выемку, игравшую для меня роль кровати.

Взобравшиеся на берег преследователи пронеслись мимо. Лица удивленно оглядывались, выражение соответствовало эмоциям любой мебели, обнаружившей, что мир не так прост, как представлялось до сих пор.

Я впал в транс. Взгляд остановился, рот открылся, дыхание напоминало землетрясение. Несколько проведенных на полу бесконечных секунд частично вернули к жизни, но первый же новый шорох заставил тело подскочить. С луком в руках я забился в угол кровати и прислонился к теплой стене, ласково огладившей меня благожелательной волной.

И тогда я почувствовал себя в безопасности.

Глава 7

Гнусавый Кирилл Кириллович с бригадой еще дважды возвращались на поляну, вновь и вновь они прочесывали каждый кустик, даже пробовали каблуками землю на прочность: вдруг обнаружится подземный ход? Тщетно. Я взирал чуть сверху, куда волшебная Хижина по моему приказу приподнялась над землей, чтобы преследователи спокойно бродили снизу. Через час операцию на поляне свернули, поиски переместились куда-то дальше.

Я ожил. Неподвластное уму чудо вновь признало меня хозяином, жизнь опять стала прекрасна. Сначала я попил, затем попросил поесть и рискнул откусить от появившихся щупалец. Одно напомнило докторскую колбасу, другое – клецки из супа, то есть вареное тесто. Третье, сочное до невозможности, оказалось заменителем овощей. Превосходно, от голода не умру, даже если придется выдержать долгую осаду. А если умру, то не от голода, это точно. Хорошо бы не нажать какую-нибудь «красную кнопку», ведь никто не знает, как выглядит ее инопланетный заменитель. Режим самоуничтожения обязан существовать у любой техники, если она хотя бы теоретически может попасть в руки противника. Или в руки несмышленного дитя. Обидно, но ко мне больше подходило последнее. Для таких случаев техника обычно имеет «защиту от дурака». Странно, что она не сработала и пустила меня внутрь, почему-то позволяя командовать. Что же получается: я обманул хитрые настройки, или в чужой градации даже до дурака не дотягиваю?

Позволю себе подольше оставаться в блаженном неведении.

Я провел более полный осмотр помещений. Судя по высоте скругленного потолка, без углов переходившего в стены, здесь имелся чердак.

– Открой вход на чердак! – раздался мой довольный приказ Хижине.

Она не открыла.

– А в подпол?

Аналогично. Итак, чердак с подполом заперты. Предположим, там находится автономная система питания, типа дизель-генератора у человеческих сооружений. Тогда любопытно: какое здесь топливо? Атомная батарейка? Сколько эта хреновина (прости, Хижина, за нехорошее слово, беру обратно) это достижение неведомой цивилизации здесь висит? Год? Сто? Тысячелетие? Чем подпитывалось все это время?

От заоблачных сроков заурчало в животе.

– А как насчет туалета? – взволновался я.

В таком маленьком помещении даже с учетом огромных запасов еды и питья... нет, не даже, а именно с учетом огромных припасов еды и питья я не выдержу и двухдневной блокады.

В маленькой кладовке, еще мной никак не задействованной, из пола выросло нечто вроде большого ночного горшка.

– Спасибо, – сказал я, подходя ближе. – Ты не обидишься, если сюда...

Эксперимент показал, что Хижина не обидится. Все, что попало в горшок, мгновенно высосалось внутрь. Включая запах.

– Надеюсь, клецки и колбаса у тебя делаются...

Я не договорил, решив для себя, что здесь обязана быть другая технология. Думать так было спокойнее, хотя, к примеру, на земных космических кораблях замкнутые системы жизнеобеспечения давно считаются нормой.

Стало понятно, как я попал сюда впервые. Кувыряясь по кособогу после падения с дерева, организм посылал в мир единственное желание – спастись любым способом, меня и приняло на борт. Все просто. Теперь нужно понять, какие желания выполняются и как, а какие нет и почему.

Кроме сказанного в отношении еды и наоборот, за несколько часов выяснилось следующее. Хижина умела следующие фокусы. По приказу хозяина пропускала внутрь. Делалась невидимой в одну сторону. Причем, в любую. Делала владельца неслышимым, отсекая происходящее внутри от ушей посторонних, или специально делала слышимым, чтобы словно через усилитель общаться с теми, кто снаружи. Я пообщался с двумя сороками, которые зачем-то прилетели на поляну. Их как ветром сдуло. Если раньше у сорок не было собственной религии, теперь будет.

Еще можно закрыться в Хижине от мира, создав абсолютную тишину, а внутри включить свет. Откуда он берется, я так и не понял. Светились сами стены. И потолок. И пол. И кровать. Даже горшок. Включая его дно. Брр.

Кстати, горшок оказался с возникающим в нужный момент фонтаном, то мыльным, то кристально-чистым. По требованию. Этакое инопланетное биде. Неплохо, если честно, и это явный намек на гуманоидность владельцев. Или правильно – гуманоидство? Я не силен в научных терминах. К тому же, Хижина, как мне кажется, создавала необходимое под конкретные запросы. Или учитывала предыдущий опыт. Или влезала в интернет, откуда черпала знания о людских потребностях. Допускаю, она хотела сделать мне приятно. И как бы я ни удивлялся неведомым возможностям, а благодарить не забывал.

Чтобы проще ориентироваться, я дал каждому помещению название. Выемка в стене с площадкой-кроватью стала будуаром. Кладовка с моим барахлом осталась кладовкой, я сумел закрыть ее дверцей, чью роль выполнило стянувшееся вещество стен, по приказу открыться оно тут же рассасывалось. Туалет, понятно, остался туалетом, а центральное помещение с возможностью панорамного обзора, когда остальные внутренности Хижины становились невидимыми, я нарек рубкой. Вроде капитанской, как на корабле или в самолете. Здесь даже капитанское кресло имелось – в виде креслоподобного пенька посередине, на который я садился в самом начале. В целом Хижина напоминала кабину воздушного судна, поэтому рубка – приемлемое название для того, что исполняло роль рубки.

Пропуская преследователей, Хижина по моему приказу поднялась на пару человеческих ростов. Когда мне захотелось попасть наружу, она опустилась на удобную для входа-выхода высоту. Любопытно, а сможет ли она так же по горизонтали?

Приказ, прозвучавший с разных расстояний, ничего дал, на зов снаружи моя высокотехнологичная прелесть не реагировала, щеночка не изображала, чтобы прибежать, виляя хвостиком: «Вот она я, хозяин, чего изволите?!»

Исследования продолжались. Части Хижины становились невидимыми, когда я требовал панораму, но оставались жесткими и за свои пределы не выпускали. Эту особенность ликвидировал приказ «Пропустить», тогда для прохода становилось открыто любое направление, включая пол и чердак. Проем возникал с любой стороны, где требовался. Хоть через кладовку, хоть сквозь горшок. Вещество Хижины расступалось в пределах, которые соответствовали задуманному. То есть, мои мысли, даже недоформулированные, тайны не составляли. Ну и пусть. Хоррро-ошая моя... Я нежно погладил пористую зеленоватую поверхность. По-моему, что-то внутри ответило мне схожей любезностью.

В конце концов, усталого и довольного отличным окончанием дня, меня сморило. Раздевшись до трусов, я запрыгнул в будуар – как есть, грязный, потный. Эх, сполоснуться бы...

Едва в мозгу нарисовалось понятие душа, с потолка на кровать обрушился ливень. Омывая меня, он исчезал внизу на мгновенно впитывающей поверхности. Я не только промок до нитки, я чуть не обморозился.

– Теплой!!! – вырвалось у меня что есть мочи. В ту же секунду температура ливня изменилась. А то и раньше. Струи, вылетевшие ледяными, коснулись меня такими, как требовалось. Я мысленно заставил душ прекратиться и посмотрел по сторонам. – Может, здесь и ванная комната найдется?

Нужно было смотреть вниз. В кровати образовался провал, его быстро заполняла вода. Этакий мини-бассейн. Неплохо.

Я снял насквозь мокрый последний предмет одежды, помылся и вернул кровать в первоначальный вид.

– Спокойной ночи, Хижина! – унеслось в тишину с мягко просевшей подо мной поверхности – опять сухой и приятной на ощупь.

Вновь показалось, что каким-то неведомым способом почувствовался ответ. Но это неправда, потому что я заснул раньше.

Утром брошенные на пол вещи оказались чистыми. Что-то необъяснимое человеческой логикой выстирало и выгладило их. Как – не знаю, я спал. Но ход мыслей Хижины мне нравился.

– Так держать! Умница! – поблагодарил я.

Стены радостно засветились в ответ.

Невыносимо здорово ощущать себя хозяином материализовавшейся сказки. Пусть даже нелегитимным. Впрочем, почему нелегитимным, ведь медальон – у меня? Значит, хозяин я, точка.

Но тревога не покидала. Кто-то оставил здесь это чудо света. Вдруг он вернется? Или его друзья. Или включится автоматический режим возвращения, и – фьюить, на планету каких-нибудь плотоядных ящеров или гигантских насекомых. Чтобы не думать об этом, я осмотрел окрестности на наличие нежелательных соглядатаев, и земная природа вновь приняла меня в привычные ветрено-травяные объятия. Я вышел, во-первых, чтобы с удовольствием сделать зарядку и пробежку на свежем воздухе, а во-вторых, не желая признаваться в источнике этого желания даже себе, – справить нужду под кустиком. Потому что перед глазами маячила появлявшаяся из ничего вкусная космическая колбаса.

Очевидно, что птицы видят Хижину. Скорее, чувят. Сторонятся, облетают. Но не пугаются. Это хорошо.

Для удобства я сотворил рядом с выплывавшим из пола горшком умывальник, он теперь вырастал из стены по первому требованию. Вода хлестала оттуда же, стоило только захотеть. Жить стало комфортнее.

Последовала еще серия почти научных опытов. Вот что взбрело в голову: если Хижина делает еду и воду из ничего...

Процесс, исследованный в разных видах, показал: деньги и золото она не делает, хоть тресни. Жаль.

От нескончаемого мозгового штурма плыло и сворачивалось в трубочку сознание, и ближе к вечеру я устроил сиесту – раскинулся поперек кровати, мечтательный взор унесся в потолок. Эх, одиноко-то как...

Что-то вспучилось подо мной. По-моему, Хижина среагировала на направление грез.

– Стой! – взвился я. – Не надо!

Лежак моментально выровнялся.

Мороз пробежал по коже. Унялся он нескоро, минут через пять-десять, а мысль все это время работала на износ. Что именно мне предлагалось? Может, досмотреть до конца?

– Хочу...

Я даже не договорил. Зато представил в деталях.

Кровать вздыбилась, из нее начали вырастать вполне узнаваемые очертания. Забившись в угол, я напряженно ждал.

Словно статуя из воды, из поверхности постели проявлялись разные части знакомого силуэта. Сначала – два острова, больших и округлых. По мере появления они соединились в

направленное мне в лицо нескромное целое. Где-то в полуметре дальше образовались лопатки, после них – вся спина и затылок опущенной книзу головы. Через пару мгновений все слилось в единую конструкцию.

Мое сердце колотилось, как заготовка под ударным прессом. Глаза смотрели, не мигая. Как в замедленном кино, корпус женщины, наклоненной лицом вниз, всплывал над уровнем кровати, вот уже оторвавшись от родившего ее вещества в районе живота, а потом и от свисавших кабачков-рекордсменов. И продолжал приподниматься, наращивая руки, чуть согнутые в локтях, и стоявшие на коленях ноги. Все это было того же буро-грязного зеленоватого оттенка, что и прочая обстановка Хижины. В образовавшейся фигуре с первой секунды узналась Сусанна. У нее не было ни волос, ни родинок, ни жизни. Ни, тем более, одежды. Пустые зеленые глазницы будто бы в ожидании заглядывали на меня снизу. Бесстыдная поза. Впрочем, это простительно бездыханной статуе. Или резиновой кукле. Фу, гадость. Напряженные мышцы выпирали, точно настоящие. Причем – я осторожно потрогал – теплые. Но абсолютно безжизненные.

Моя бывшая подруга, воссозданная в таком виде, внушила полное отвращение. Сусанна, если быть честным, – это пошло и отвратительно всегда. Как минимум, неэлегантно. Несмотря на все ее потуги выглядеть стильно, носить дорогую одежду и следовать моде. Не хирурги и дизайнеры отвечают за красоту.

С другой стороны, с Сусанной я связался не от хорошей жизни, а был с ней исключительно от безысходности. Если сравнить эти отношения с моей прежней, настоящей любовью...

Обводы фигуры принялись меняться. Еж твою каракатицу!!! Вместо Сусанны передо мной образовывалась...

– Стоп! Перестань! – завопил я, догадавшись, в кого превращается противный зеленый монстр.

Не позволю инопланетной железяке покуситься на святое, пусть она сто пятьсот раз не железяка и даже если не инопланетная. Есть вещи, касаться которых нельзя просто потому, что нельзя. Иначе чем мы лучше железяк?

Память призвала в помощь образы голливудских актрис, которых тиражировал Голливуд. Не сработало.

Рая, сокурсница Сусанны?

Снова пшик эффекту.

Намек ясен. Хижина воссоздает только тех, с кем у меня... то есть, кто найдется в моей памяти со всем букетом эмоций и ощущений.

– Пусть остается Сусанной! – скомандовал я.

Она осталась.

И что мне с ней делать? Привстав, я со злости шандарахнул ногой по выставленному мясу. У футболиста мяч, наверное, взорвался бы от приложенной силы, а бездушному чучелу хоть бы хны. Даже не пошевелилось.

– Пусть ляжет! – приказал я, четко продублировав команду яркой картинкой в голове.

Зря. Я думал, оно повернется, как настоящая женщина, а зеленое горе луковое перетекло из одного состояния в другое, как жидкий киборг. Где был затылок, проявилось лицо, ляжки стали разведенными коленями. Теперь э-т-о лежало рядом, немигающие глаза тарасились в потолок. На том, что у живого человека зовется лицом, застыла развязная приглашающая улыбочка. Меня передернуло.

– Убери это, пожалуйста! – взмолился я. – И никогда больше не предлагай!

Не знаю, как насчет второй фразы, а с первой все получилось. Я облегченно вздохнул, но еще долго ворочался, и ладони со страхом ошупывали кровать, если чудилась какая-то выпуклость или впуклость.

Под вечер я поохотился в окрестностях Хижины. Результат – ноль. После погони и последующих поисков земля в округе вытоптана на километры в каждую сторону. Человеческим духом здесь так пропахло, что ни одно уважающее себя животное по доброй воле не сунется. Вернувшись не солоно хлебавши, я скинул одежду, и мысли выплеснули недавние события, разбирая по косточкам. Эх, Игореха, товарищ сержант. Почему?..

Засыпающему, мне вспомнилось о Задольском. Посмотреть бы на его гнусную рожу теперь, когда у меня есть та-ако-о-ое...

Конечно же, вслед за папашей перед глазами всплыла Сусанна. Живая. Не зеленое чудище с остановившимся взглядом, а взбалмошная подружка-веселушка, кудесница-шалунья, искушающая дьяволица. Воображулистая, буферистая, с приподнятым неохватным багажником, полным лакомых сюрпризов, доступных только знающим и умелым. Не умеющая быть одна, зато как умеющая скрасить два одиночества при их неожиданной встрече! Пусть подлая и коварная, пусть обманщица, пусть стерва и сволочь, которая подставила меня и сломала судьбу... но как же я хотел сейчас оказаться рядом.

Глава 8

Что-то напрягло. Некие неправильные ощущения. Когда нагло располагаешься в чужом доме, а хозяин может вернуться в любую минуту, рецепторы организма находятся настороже, даже те, о которых не подозреваешь. Вместо сна вышел кратковременный провал, из которого меня вынесло беспокойством. Продрав глаза, я велел дать панораму. Веки мелко моргнули, по кровеносным сосудам пробежал жидкий азот. Моя Хижина – в городе! И висит не где-нибудь, а перед знакомыми окнами у дома на набережной, известного каждому жителю. Уж мне-то – более чем.

Понадобившийся для строительства нового завода город поставили в чистом поле, деревень на этом месте раньше не было, поэтому частный сектор отсутствовал как понятие. Пару лет назад в лесу, подальше от посторонних глаз, начали возводиться коттеджи тех, кого нервирует соседство с малоимущими, однако дело замерло на этапе подвода коммуникаций. Электричество пробросили быстро, вода и канализация – местные, въезжать можно будет с вводом газовой подстанции, а пока все жили в городских квартирах – не важно, богатый ты человек или наоборот. Коттедж Задольских тоже ждал своего часа. В ожидании переезда семья обитала во временном жилище площадью под двести квадратов. Квартира, где, напомним, даже бильярд имел собственную комнату (не всегда, впрочем, применявшуюся по назначению), со временем должна была стать подарком на свадьбу Вадиму или Сусанне, а пока использовалась как основное жилище. Около окон этой элитной квартиры сейчас висела моя разлюбезная Хижина.

Нужно учиться себя контролировать. О чем я думал перед сном? Вот. Такие новости. Мы, оказывается, и летать умеем.

Я привел себя в подобие порядка и прильнул лицом к теплой прозрачности Хижины-корабля. Или просто корабля, так теперь будет точнее.

Шторами Задольские не пользовались, постороннему, как они думали, заглянуть к ним неоткуда, но окно отсвечивало, и мешала разница в освещении – снаружи ярко, внутри темно. Разглядеть ничего не удалось.

Что-то отвлекло, мой среагировавший на движение взгляд скользнул вниз: к дому подъезжала кавалькада черных стальных мастодонтов, возглавляемая... ну кто бы сомневался.

На всякий случай я решил взглянуть на номера.

– Корабль, миленький, подберись поближе к той штуковине внизу.

И корабль снизился! Ура! Это действительно корабль, и по команде он перемещался в любом направлении. Дух захватило от перспектив, вытекавших из этого открытия.

В отношении номеров я не ошибся: тот самый черный «Рэндж» Задольского с комбинацией цифр и букв, за которую любой карьерист почку отдаст. Не свою, конечно, а своей матери. Под прикрытием телохранителей САМ выполз из открытой дверцы (точнее, выпал, учитывая высоту стального жеребца английской конюшни).

– И вы только сейчас мне об этом сообщаете?! – донесся знакомый гулкий бас. – Я должен узнавать такое немедленно! Слышите? Не-мед-лен-но, фазер вашу мутер!

Матеря кого-то по сотовому, обширная фигура остановилась, губы выплюнули в трубку что-то совсем уж словесно нехорошее, и ни в чем не повинный телефон едва не почил в экстазе саморазрушения при свидании со стенкой.

– Отменяется. Едем в контору.

Охрана, получившая новый приказ, который, видимо, шел вразрез с прежним, засуетилась. Задольский полез обратно в машину. За ним бесшумно закрылась дверца, и стадо лоснящихся стальных динозавров отбыло восвояси, по пути клаксоном «крякнув» вахтеру, заведовавшему шлагбаумом жилого комплекса.

Хм. Задольский уехал. Супруга его, насколько мне известно, давно живет в Ницце, где семейство еще в бурные девяностые прикупило особнячок, ранее принадлежавший кому-то из особ царской семьи. Теперь жена сторожит собственность, живя в свое удовольствие, пока муженек живет в свое удовольствие здесь. Выходит, Сусанна, если дома, то одна. И, видимо, тоже использует обстоятельства на полную катушку, по семейной традиции живя в свое удовольствие. Яблоко от яблони и т.д. Бывают исключения, но известная мне особа подтверждала правило.

Недолго проследив за удалившимся караваном, я отдал приказ возвращаться. Распоряжение о невидимости, установленное с вечера, продолжало действовать, иначе меня засекли бы раньше, чем я проснулся, и мне было бы уже известно, как пули из разных видов оружия сказываются на жизнедеятельности корабля и его пассажиров – думаю, что крепкие ребята из кортежа не мечтали бы о лаврах первых людей-контактеров с иным разумом, а дрессированно изрешетили неизвестное нечто, зависшее напротив охраняемого объекта.

Корабль припарковался у знакомого балкона на третьем этаже. До мурашек на коже знакомого. Сусанна была такой фантазеркой.

Несмотря на охрану огороженной территории комплекса, третий этаж Задольский выбрал исходя из тех же соображений безопасности. Случайные воры не влезут, лифт поднимает быстро, а если вдруг сломается (такое даже с элитными лифтами бывает) – подниматься недалеко. Не зря нижние этажи, за исключением первого, всегда дороже прочих.

Как я ни всматривался внутрь квартиры, ничего не помогало. Поочередные взгляды прямо, слева, справа и сверху ситуации не прояснили, стекло жутко отсвечивало и ничего не показывало.

Риск, говорят, благородное дело. Я приказал:

– Ждать меня!

Длинный роскошный балкон, куда почти бесшумно ступили ноги, выглядел пустым. Это не склад барахла и несезонной резины, как в большинстве нормальных домов. Здесь были только пара ротанговых кресел со столиком и п-образные шкафчики по обе стороны. В проеме левого я на миг затаился. Как попасть внутрь пока не придумалось, для этого нужно дожидаться, пока сердце успокоится.

Через пару минут произведение импровизации, помноженной на интуицию, которое в русском языке зовется «авось», направило мои стопы к крайнему из трех мощных стеклопакетов. Если заметят, прыгну назад. Подумают, померещилось. Всерьез мою рожу, возникшую из ниоткуда, никто не воспримет. А если кто-то воспримет, то не рискнет рассказать другим. Если только в качестве хохмы. Тогда ладно, я согласен, пусть считают, что в образе демона-мстителя являюсь по грешную душу, и, может, у кого-то совесть проснется.

Ноги напружинились для возможного отхода в стиле вратарского броска, и я осторожно заглянул внутрь.

Хорошо, что маскировался. Недавняя подружка была в гостиной, куда выходило это окно, и была там не одна. Игнорируя мебель, она активно миловалась на полу с новым кавалером. Или старым. Свято место пусто не бывает, а несвято – особенно. Разбросанная одежда свидетельствовала о скорости снимания, более высокое тело распределилось в простеньком кроссворде по горизонтали, а над ним, как в кино о дикой природе, самка богомола в лице человеческого аналога готовилась к заключительному пиршеству.

Как нарываться на неприятности, так и обламывать ни в чем не повинного парня не хотелось. Я присел в одно из задубевших балконных кресел, с которыми у меня было связано немало воспоминаний. Мы с Сусанной и на балконе творили такое, что у надменного папы, доведись ему узнать, на плечи вновь выросли бы волосы. И лишь для того, чтоб разом поседеть и встать дыбом.

В успокоившихся извилинах родилась гениальнейшая мысль, которая заставила покраснеть из-за собственной глупости: зачем терять время, если можно его не терять? Кроме гостиной, куда выводили окно и запертая изнутри балконная дверь, сюда же выходило окно кухни, где для проветривания постоянно открыта фрамуга. Фрамугу все еще прикрывала противомоскитная сетка, которую я, сдвинув вверх, осторожно вынул. Кисть скользнула внутрь, поворачивая ручку соседней створки. Если б Задольские сэкономили на отворявшейся половинке, попасть внутрь без шума было бы затруднительно – пришлось бы выдавливать открывавшуюся часть, ломая тонкую стальную фурнитуру внутри. Тоже вариант, но – спасибо небедному семейству, что никогда не экономило на комфорте.

Просочившись так, чтобы ничем не стукнуть и ничего не задеть, я восстановил за собой целостность окна. Кухня интереса не представляла, а в места, где могли спрятать повешенные на меня документы, путь лежал через коридор, который соединялся с гостиной огромным проемом с лепниной, а там, в гостиной, на толстом ковре между диванами и камином, там же, где столько раз...

ТЬфу, сколько можно вспоминать? Соскучился, что ли? Если судить не о личностях, а о процессе... Человек намного большее животное, чем ему кажется, и мое «соскучился» в данный момент – не то слово. Я просто озверел, если честно. Перед глазами всплыли ночные плясуньи – от Настены до Катеньки и... Полины. Да, особенно, с какой-то стати (главное слово – «особенно»), выделялась она, Полина. С ровно посаженной точеной головкой, твердой походкой, прямым взором и, что вспоминалось не в последнюю очередь, с колдовской упругостью, так желанно сводившей мышцы ладоней и утягивавшей мечты в неизведанное. Да, соскучился я по женской части. И одна весьма аппетитная часть находилась рядом, за стенкой, выдавая рулады, достойные стада мартышек, которых давил гиппопотам.

Меня понесло в берлогу этой стонущей-плачущей-вопящей части, то есть в спальню. Именно в ее спальню, а не в используемую не по назначению гостиную, к которой этот термин в данный момент применялся в несколько ином контексте. Участники шоу мощно закатывали глаза, и я проскользнул незамеченным. Еще и полюбоваться успел по дороге. Хорошо, не сподобился надавать парню советов, как правильное обращаться с живой бомбой, доставшейся ему в руки и не только в руки.

Комнату я знал как не страдающий склерозом крот свою нору. Никаких сейфов, никаких запирающихся шкафчиков. Сусанна ничего не скрывала. Простая и не стеснявшаяся ничего естественного (даже в туалет за собой не всегда дверцу закрывала), она могла и папаше, случись тому подняться сейчас домой, просто кивнуть приветливо и попросить не мешать еще некоторое время. Правда, в адекватной реакции папаши я не уверен. Командовать он любил до чертиков, а застигнутая за чем-то дочь – дополнительный козырь давления на нее в случае необходимости. Наверное, глазам предстал бы неплохой концерт, но меня устраивало нынешнее положение вещей: папаша далеко, Сусанна занята.

Прошло две минуты, три, пять. Я убедился, что дальнейший обыск ничего не даст. Ну не держала Сусанна в комнате лишнего. А если не дома, то где? У папаши? Его комната, напичканная связанными с занимаемой должностью и частными секретами, нашпигована сигнализациями, она мне не по зубам. К тому же, как почему-то думается, Сусанна брала документы именно для себя. «Кинуть» она могла не только меня, но и родного папулю.

Где же искать? Придется задавать вопросы. Подождем, пока бывшая подружка останется одна, не может же их игры продолжаться вечно. Наши с ней – да, это выглядело нескончаемым, но чисто субъективно. А когда из участника превращаешься в зрителя...

Хм, а что мне делать в случае, если парочка завалится сюда до того, как ее прекрасная половина избавится от сильной?

Парень – не Геракл, на вид – тоже студент, ровесник Сусанны. Есть шанс отбиться.

Не лучшая идея. Думаем дальше. Вариантов «прячущийся любовник» было два: под кроватью и в шкафу, очень похожем на тот, что стоит в ныне пустой комнате Вадима. Или можно защищаться бронзовым торшером, пока буду пробиваться в гостиную или на кухню, чтоб выпрыгнуть в окно. Это, конечно, тоже варианты, но... не варианты. Нужно найти что-то более удобное для драки, точнее, для разговора. Как известно, доброе слово и дубина лучше, чем просто доброе слово или просто дубина. Слова подберутся сами, а о правильном оружии стоило позаботиться заранее. Взяв в правую руку керамическую вазу, а в левую скомканную простыню, чтобы броском дезориентировать противника, я уселся на постели в ожидании удобного случая. Возможно, парень уже одевается, скоро хлопнет дверь, и ваза с простыней в беседе не пригодятся.

Опаньки. Меня отбросило назад, как ребенка от розетки. А это что за фрукт?! Из отворившейся ванной появился еще один парниша: крепкий, мускулистый, с кубиками на животе и хорошо прокачанными ягодицами. Еще бы не заметить, если на нем только это.

Логично, когда к жизнелюбивой девице из ванной выходит молодой человек. Нелогично, когда еще один молодой человек уже покряхтывает в компании вышеназванной жизнелюбивой девицы. Жизнелюбие недавней подружки я сильно недооценивал. Слухи о ней имели под собой крепкое основание. Говаривали, что Сусанна любит погорячее во всех смыслах, включая нетрадиционные. Со мной она ничего такого себе не позволяла, мы обходились стандартным набором...

Гм, а можно ли считать стандартным набором забавы со связыванием, с масками, ролевые игры в сантехника и хозяйку, в больного и медсестру, в пассажира и стюардессу, в преподавателя и студентку, в полицейского и задержанную... Пардон, сместим акценты в сторону правды: в студента и преподавательницу, в задержанного и полицейскую. Периодически игрища развлекались наказаниями друг друга по филейным частям, еще Сусанна любила царапаться и не возражала, если ее немного помнут и даже придушат в миг эйфории. А однажды, действительно, случился прокол с ее стороны: в особо пикантный момент ведьмины глазки пронзили меня до самого позвоночника, осведомляясь:

– А ты хотел бы попробовать лямур а ля труа?

Тогда я принял за шутку, глумливо расплывшись в довольстве:

– Кого из подруг предлагаешь в компанию?

Вместо подруг я тогда получил по шее и порцию ссадин в самых неожиданных местах.

Но вернемся в настоящее. Из гостиной пробила осмысленная речь:

– ...Завтра вечером набери...

– ...Не уверен, что выберусь...

– ...Обязательно!

– ...Ну, как хочешь.

– ...А я – да.

– ...Да есть, есть у меня твой номер...

Прощаются? А если Сусанна тоже уйдет?

Голоса слышались пока с того же расстояния:

– ...Да... и я...

– ...Теперь пойдем...

Слова сливались, удалялись... наступила тишина.

Ясно одно – сюда сейчас не зайдут. У меня появилась отсрочка. Пока жизнелюбцы осваивали бильярдную, я нашел маленькую видеокамеру, решив заснять развлечения подставившей меня подружки. Чтобы предъявить при надобности. Хотя что-то. Пусть для такой, как Сусанна, это совсем не болезненно, но кто знает, как повернутся дела в будущем.

Не успел. Бильярдная отворилась, шаги и голоса переместились в прихожую. Уходят? Пока общее внимание отвлечено, я проскочил через коридор обратно на кухню, и камера, бро-

шенная в приоткрытое на секунду окошко, исчезла в невидимом теле корабля. На укор души, что взял чужое, нашлось внешне приемлемое оправдание, углубляться в которое не хотелось: это же не кража, а возмещение морального ущерба. А камера у Сусанны – хорошая, мощная, и в следующий раз, если понадобится, без риска для жизни можно снимать через окно.

Подумав, я прихватил также маски для Хэллоуина – всяких скелетов, чертей, чудищ, вампиров, зомби. В одной из таких я пугал Вадима. От Сусанны не убудет, а мне эти штуки могут пригодиться.

В прихожей хлопнула входная дверь, Сусанна проследовала в спальню. Одна? Непонятно.

Я выглянул одним глазом... вторым... Наконец, в коридор вылезла вся голова. Как показало краткое следствие, слинял из логова жизнелюбия только один парнишка. Не знаю, какой остался. Настольная бронзовая пепельница поднялась в занесенной для удара руке. Теперь поговорим.

Нервы искрились, но волновался я зря: во-первых, свет оказался выключен, во-вторых, на глазах привязываемого к кровати парня красовалась повязка, в-третьих, замершая над распятым телом Сусанна даже не обернулась, мое неожиданное прибытие воспринялось ей как должное.

– Передумал?

С кровати на меня пялилось второе, главное лицо Сусанны – ухмыляющееся, позевывающее, плотоядно облизывающееся.

– Молодец, что передумал, – знойно проворковала подруга, пока ее тыл в упор разглядывал меня на предмет сожрать и переварить. – Я плохо себя вела. Говорила плохие слова. Обидела бедного мальчика. Отшлепай меня.

По спине потекло. Это пот? Скорее, ливень, хотя все же пот. Липкий и противный. В голове что-то щелкнуло и перегорело. Пепельница опустилась на тумбочку. Не понимая, что делаю, я, как зомби, побрел на neodолимый зов. Колени не гнулись. Дыхание сбивалось. Проклинаю все на свете, в том числе и себя, я встал к бесстыже выпяченному барьеру. Во рту пересохло.

Тыщ! Вязкая волна разнеслась по спелым формам. Совершенно не рассуждая, я начал скидывать одежду. Что я делаю... О, что я делаю!

Тыщ!!!

– Да! Да! Ух! – вторили мне умопомрачительные взвизги. Ох, Сусанна, Сусанна, я же собирался только...

«Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона, находящегося в членах моих...»

Сусанна вдруг обернулась чуточку назад, на меня, напирающего сзади. Сейчас узнает... заорет... Бежать в таком состоянии, прошу прощения за каламбур, я был не в состоянии.

Нет, в едва подсвеченной из щелей темноте она не узнала меня, просто не увидела, зато как почувствовала – давящего, сгребаящего, исходящего неуклюжими попытками отворить ключом целебные подземелья. И я, не знаю как, желая и не желая, зовя и проклиная, провалился в нее, будто ногой в зыбучий песок.

– Сусанна...

– У-ууу!

Вскинутое лицо. Дрожь. Закрытые глаза. Как же незабываемо знакомо. Какое сногшибательное дежа-вю... «И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм и жертвенник. А внешний двор исключи и не измеряй, ибо он отдан язычникам...» Меня трясло. Миллионы взметнувшихся воздушных шаров заполнили пространство закрывшихся глаз от края до края, в стороны и внутрь. Расплавленные мысли ожили и поскакали восторженными зайчиками. «И явилось знамение – жена, облеченная в солнце. Под ногами ее луна, и на главе венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала...» Меня выгнуло, я заорал – громко,

с переходом в рык. Рык сменился воем. Вой – горловым клочкотанием. Крик агонизирующего тиранозавра постепенно перешел в мычание, в утробное урчание и умер на полувзвук.

И – новый крик:

– А-а!!! Кто это?!!!

Весь мир – обалделые глаза вывернувшейся на сто восемьдесят градусов Сусанны.

Голос парня:

– Что случилось?! Развяжи!

Не завидую ему. До подружки вдруг дошло, что привязанная игрушка – единственный защитник в этой ситуации. Она сдернула с его глаз повязку.

– А-а!!! – добавилось еще одно абсолютное непонимание.

– А-а!!! – Это уже я – выскакивающий, хватающий с пола одежду и улетающий в направлении кухни.

Сзади, размахивая кулаками, догоняла злобная фурия. Квартира превратилась в дурдом. Топот. Вопли, как у индейцев, ступивших на тропу войны. Я удираю. Сзади меня колотит по спине разъяренная Сусанна. В проносящемся мимо зеркале видно, как бессмысленно тараторщившийся кавалер, наконец, понимает ситуацию, его вздувшиеся мышцы рвут шелковые путы. Кажется, вместе со спинкой кровати. Но это уже не мои проблемы.

Закрывать за собой дверь в кухню я не успеваю – Сусанна вваливается следом. Меня едва не опрокидывает тараном несокрушимой мякоти, подкрепленной инерцией остальных десятков килограммов. Оттолкнув Сусанну, в последнюю секунду вцепившуюся мне в волосы, я все же защелкиваю ручку двери. Попытка подпереть плечом не удается – меня сносит могучим приложением массы с другой стороны.

– Полицию! Полицию вызывай! – визжит Сусанна, царапая мне все, до чего дотягивается.

Чувствую, серьезный разговор о документах сегодня не получится, поэтому я отдираю от себя когисто-клыкастую мегеру, подхватываю выпавшую в борьбе одежду и впрыгиваю на подоконник. Напоследок – победный возглас:

– Я еще вернусь!

И – прыжок в окно, провожаемый неверящим взглядом двух тазиков, что еще недавно именовались глазами.

Глава 9

Спасший меня корабль сел в чистом поле за городом. Я рухнул ничком, глаза долго и тупо глядели перед собой. Не скоро получилось настроиться на сон – беспрестанно ворочаясь и вспоминая, я походил на закоротивший вентилятор, который дымит, искрит и даже как-то вертится, но дует куда угодно, только не в нужную сторону. Вспомнить, как ни крути, было что. Оттого и не спалось. Впрочем...

Пробуждение сначала вызвало недоумение: «Где я?» Постепенно в мозгу прояснилось, но позитива это не добавило – перед внутренним взором всплыли картинки недавних событий, от которых бросало в краску.

Время шло, я привел себя и мысли в порядок, вчерашнее приключение перестало волновать кровь. Осталась лишь кислая улыбка и тревога за свое поведение – я поражался собственной безответственности. Понятно, что на новый визит к Задольским я не решился. Не сегодня. И не завтра. Потом. Открылись фантастические возможности, а я зачем-то лезу на рожон, ища приключений на свой тыл и на чужой. Глупо, если сказать мягко.

Я с удивлением оглядел себя. Расцарапанная кожа... заживилась, от вчерашних ран следа не осталось. Ну, дела. Спасибо, кораблик. Чем смогу – отплачу. Ну, там пробоину залатать или тормозную жидкость поменять... Мало ли. Только намеки.

А теперь...

– Полетаем?

Словесно-мысленные приказы подняли дисковидное чудо в небеса, и, направляемое моей волей, оно снова направилось в город.

Красотень. Только ради этого стоило родиться на свет. Вжжж – и на месте. Причем «вжжж» – исключительно виртуальное, звучащее в мозгу. Именно он ожидал воя ветра, свиста рассеяемого воздуха и гула двигателей. Ничего этого не было. Передвижение происходило беззвучно, либо лишние шумы не допускались внутрь, чтобы не беспокоить владельцев. А владелец отныне, пусть и временный, смею напомнить, – ваш покорный слуга. Обожаю такую технику.

Корабль медленно плыл над крышами. Он прекрасно управлялся командами «вперед-назад-вправо-влево-вверх-вниз-стой». «Стой» получалось как у вертолета, на месте, бесшумно и абсолютно невидимо, если заранее не указать иное. Сверху проплывали облака, снизу – с детства знакомые районы, по бокам – высотки и вышки связи. Теперь они не воспринимались как нечто значительное. Одно слово – и я мог смотреть на заносчивые конструкции свысока, как до сих пор они смотрели на остальных. Но я не торопился доказывать свою крутизну. Хватало ощущения всемогущества, которого даже применять не требовалось. Ощущение завораживающее, если не сказать зубодробительное. Привет, господа, разрешите представиться, я король мира!

Сейчас корабль пролетал над футбольным стадионом. Внизу шла игра, шумели малозаполненные трибуны, недостаток зрителей компенсировался их отчаянным ревом. Две команды усиленно пинали ни в чем не повинный кожаный шарик. Вратарь в великолепном прыжке взял практически неберущийся мяч, встал под гром аплодисментов, последовали разбег, удар...

Я обомлел. Мяч летел прямо в меня.

– Пропустить!

Круглый пришелец врезался мне в грудь, руки автоматически схватили его, я замер. И что теперь?

Внизу тоже все замерло. Сотни лиц искали в вышине ответ на невысказанный вопрос и не находили.

Не зная, что предпринять, я взмыл на пару сотен метров вверх и оттуда скинул мяч на середину стадиона.

Новый гул сотряс стадион. Лица зрителей опустились на поле, на бешено подпрыгивавший атрибут игры, словно с луны свалившийся. Со взбесившимся пульсом я рванул оттуда подальше.

Перехватило дух – выражение как раз о таких случаях, когда от нервов мысли, время и сердце останавливаются, а потом в груди колотится так, будто в запертой комнате зенитка работает. Вывод, который напрашивается из произошедшего: риск – дело, конечно, благородное, и шампанским, говорят, в итоге пахнет, но иногда может издавать и другие запахи, весьма и весьма неэстетические. В общем, как сто раз говорила мама, думать надо прежде, чем лезть куда-то.

Полет по ломаной линии вне всех законов физики нервировал и утомлял. Надо заметить, корабль меня оберегал, оттого летал медленно, чтоб не размазало по стенкам: на меня, в отличие от него, сила инерции действовала.

Мысленные команды не всегда передавали намерения точно, приходилось уточнять, корректировать. Выход нашелся простейший. Для управления я велел отрастить перед панорамным окном два джойстика. Корабль выполнил требование. Отныне левая рукоять регулировала полет по вертикали, правая – по горизонтали, скорость наклона меняла скорость корабля. После преобразований рубка стала настоящей рубкой, а я – настоящим капитаном.

Теперь ускорения и повороты учитывали возможности человеческого организма, перегрузки не ощущались. Пришельцы из других миров или из будущего, которые изготовили эту штукуну под свои непонятные мне пока потребности, научили корабль самообучаться. Спасибо большое, весьма признателен. В общем, наше вам с кисточкой и не хворать. Кто бы вы ни были, все равно молодцы. Особенно кто-то конкретный, тот, что оставил хорошую вещь плохо лежать в доступном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.